

Любовь и гром

Автор:

Джоанна Линдсей

Любовь и гром

Джоанна Линдсей

Дикий, дикий Запад Вайоминг #2 Лучший любовный роман

Случайная встреча очаровательной английской аристократки Джослин Флеминг и мужественного Кольта Сандера, выросшего среди индейцев, казалась всего лишь капризом судьбы. Трудно было отыскать людей более несхожих. Но молодость и красота выше условностей. Точно молния обожгла сердца Джослин и Кольта, преодоливая силу страсти. Влюбленным придется пережить многое, чтобы обрести наконец счастье в объятиях друг друга.

Джоанна Линдсей

Любовь и гром

Johanna Lindsey

SAVAGE THUNDER

© Johanna Lindsey, 1998

© Перевод. О.Г. Косова, 1999

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Вайоминг, 1878 год

В тот летний день на ранчо Кэллена царила полная тишина, которую нарушал лишь зловещий свист бича. На газоне перед домом собралось более полудюжины мужчин, но ни один из них не издавал ни звука, наблюдая, как Рэмси Пратт с ловкостью виртуоза орудует кнутом. Бывший погонщик волов (так зачастую называли перегонщиков скота), Пратт любил похвастаться своим мастерством. Он мог выбить револьвер из рук стрелка одним движением кисти или сбить муху с крупа лошади, не задев шкуры животного. В отличие от большинства мужчин, носивших на бедре револьвер, Пратт носил на ремне свернутый двенадцатифутовый бич. Но сегодняшнее выступление несколько отличалось от его обычных фокусов. На сей раз он срывал кончиком бича мясо со спины человека.

Рэмси действовал по указанию Уолтера Кэллена, но экзекуция доставляла ему истинное наслаждение. Не впервые ему предстояло запороть человека до смерти, и он знал, что получит при этом удовольствие, хотя здесь, в Вайоминге, никто не догадывался о его тайной страсти. Ему приходилось нелегко. Другим стоило лишь затеять перестрелку, чтобы убить кого-то. На это требовались секунды. А когда страсти утихнут, можно было заявить: стрелял, мол, с целью самообороны. Рэмси же сначала должен был обезоружить противника, а потом уже забить бичом до смерти. В такой ситуации едва ли кто поверит в историю о самообороне. Но сейчас он выполнял приказ хозяина, к тому же жертва – какой-то полукровка, до которого никому нет дела.

Рэмси орудовал не своим обычным бичом, который при каждом ударе вырывал сантиметровой кусок мяса. С такой штукой удовольствие надолго не растянешь. Кэллен предложил более короткий и тонкий хлыст для лошадей – им тоже можно превратить человеческую спину в фарш, только времени требуется больше. Рэмси решение хозяина только приветствовал. Этой штукой он мог работать без усталости целый час, а то и дольше.

Если бы Кэллен не столь разъярился, он, возможно, просто приказал бы пристрелить индейца. Но ему хотелось, прежде чем тот умрет, увидеть его мучения, услышать крики, и Рэмси охотно следовал пожеланиям хозяина.

Пока что он лишь играл со своей жертвой, пользуясь той же техникой, что и с бичом: срывал кусочек кожи здесь, кусочек там, не нанося сильных повреждений, но действуя так, чтобы каждая рана была болезненной.

До сих пор краснокожий не издал ни звука, даже не вздрогнул. Но он непременно подаст голос, когда Рэмси начнет действительно бить, а не щекотать. Торопиться некуда, разве что Кэллену надоест, и он велит прекратить. Но это вряд ли, судя по тому, насколько хозяин зол. Рэмси знал, каково было бы ему самому, выясни он вдруг, что человек, ухаживающий за его единственной дочерью, – паршивый метис. В течение нескольких месяцев из хозяина делали дурака, не говоря уж о самой Дженни Кэллен, судя по тому, как она выглядела, когда отец сообщил ей об этом факте. Девушка аж позеленела, будто проглотила что-то тухлое, и сейчас стояла на веранде рядом с отцом, кипя от ярости не меньше, чем папаша.

Скверное дело. Девушка-то действительно красотка. Но кто теперь захочет ее, когда история выплыла наружу и всем известно, кому она дарила свою благосклонность, кто дотрагивался до нее, и можно лишь догадываться, что еще с ней делал. Барышня разочарована не меньше отца, но кому могло прийти в голову, что близкий друг Саммерсов – наполовину индеец? Одевается он, как белый, говорит, как белый, волосы острижены короче, чем у многих белых, револьвер на бедре. Глядя на него, трудно догадаться о его происхождении, поскольку единственное, что в нем есть от индейца, – прямые черные волосы и смуглая кожа, которая, по правде говоря, ненамного смуглее, чем у других работников ранчо.

Кэллены не узнали бы правды и по сей день, кабы не Дюран Лошадиная Челюсть. Дюрана уволили с ранчо «Скалистая долина», и он только вчера нарисовался у Кэллена. Он был в конюшне, когда Кольт Сандер, как называл себя метис, прискакал на мощном Аппалузе, сыне племенного жеребца миссис Саммерс. Естественно, Дюран поинтересовался у одного из людей, что здесь надо Сандеру, и, узнав, что тот вот уже три месяца отирается возле юбок мисс Дженни Кэллен, ушам своим не поверил. По своему прежнему месту работы он знал, что Кольт – близкий друг хозяина, Чейза Саммерса, и его жены Джессики. Ему было также известно, что Кольт – полукровка и еще три года назад был

полноправным воином-шайенном. Хотя эти сведения, похоже, не выходили за пределы ранчо «Скалистая долина». До сегодняшнего дня.

Естественно, Дюран, не откладывая дела в долгий ящик, разыскал своего нового хозяина и поделился с ним информацией. Возможно, не присутствуя при этом еще три человека, Кэллен повел бы себя по-другому. Но, раз уж люди узнали о позоре дочери, он никак не мог оставить метиса в живых. Он собрал остальных работников, и когда Кольт Сандер вошел на веранду, чтобы встретить там юную Дженни и сопроводить ее на пикник, то увидел полдюжины револьверных стволов, направленных ему в живот. Вполне достаточно, чтобы удержать метиса от желания выхватить свой, который, впрочем, у него быстро отобрали.

Сандер был высоким мужчиной, крупнее, чем большинство из тех, кто его окружил. У людей, постоянно видевших Кольта на ранчо в течение последних месяцев, не было причин относиться к нему настороженно. Он охотно смеялся, шутил и производил впечатление спокойного человека. До сего момента. Теперь же не оставалось ни малейшего сомнения, что он воспитан северными шайеннами. Теми самыми, которые, объединившись с сиу, уничтожили два года назад в долине Литтл-Бигхорн, в Монтане, армейский батальон подполковника Кастера численностью в двести человек. В мгновение ока Кольт Сандер превратился в смертельно опасного воина-шайенна, чья природная дикость вырвалась наружу, внушая ужас цивилизованному человеку.

Едва обнаружив, что стрелять в него не собираются, он устроил им светопреставление. Потребовалось семь здоровых мужиков, общими усилиями сумевших привязать его к коновязи во дворе. Причем из этих семерых ни один не остался целым. Ссадины и расквашенные физиономии заранее пресекли все возможные протесты, которые могли у них возникнуть, когда Уолтер Кэллен приказал Рэмси взять хлыст, чтобы метис умирал долго. Услышав это, индеец даже бровью не повел. Он продолжал сохранять невозмутимость и тогда, когда его рубашка уже висела лохмотьями, а из ран, нанесенных ему Рэмси, сочилась кровь.

Он стоял прямо, прижавшись бедрами к пятифутровой металлической коновязи, с руками, привязанными к ее концам. Веревки специально не натянули, чтобы он мог рухнуть на колени – а он непременно рано или поздно сползет вниз, – но пока индеец стоял прямо, гордо подняв голову, и только вцепившиеся в перекладину пальцы свидетельствовали об испытываемой им боли. Или ярости.

Именно эта поза, чертовски гордая, навела Рэмси на мысль, что на сей раз все пойдет совсем не так, как раньше, когда его бич впивался в человеческую плоть. Оба мексиканца, которых он забил в Техасе, свалились после первых трех или четырех ударов. Старый золотоискатель, у которого Рэмси в Колорадо отнял золото и жизнь, начал вопить еще до того, как его тела коснулся бич. Но этот – индеец, или, во всяком случае, воспитан как индеец. Кажется, Рэмси что-то слышал о ритуале самоистязания, которому подвергают себя индейские воины северных прерий. Он готов был поспорить, что у этого метиса на спине или на груди имеются шрамы, остающиеся после такого ритуала, и только сильнее разозлился. Похоже, ему придется потратить много времени и порядком попотеть, чтобы вырвать у этого парня хоть один крик. Пора браться за дело всерьез.

Первый настоящий удар Рэмси был подобен раскаленному железу, которое прижали к спине метиса, выжигая на нем метку, с той лишь разницей, что не чувствовалось запаха паленого мяса.

Кольт Сандер не дрогнул ни единым мускулом. Он будет так держаться до тех пор, пока Дженни Кэллен стоит на веранде, глядя на происходящее с ним. Он пристально смотрел ей в глаза, такие же синие, как и у него, только темнее. Их цвет напоминает сапфир в кольце, которое носит Джесси. Джесси? Боже, она придет в ярость, когда узнает! Она всегда защищала его, особенно последние три года, с того самого момента, как он возник на пороге ее дома. И она из кожи вон лезла все это время, стараясь сделать из него белого человека. Она даже его самого заставила поверить, что из этой затеи выйдет толк. Ему следовало быть умнее.

Думай о ней... Нет, он может лишь представить, как Джесси будет плакать, когда увидит, что от него останется по окончании экзекуции. Дженни – вот на кого ему следует направить свои мысли.

Черт побери, сколько уже было ударов? Шесть? Семь?

Дженни. Прекрасная, златовласая и сладкая, как приготовленная Джесси домашняя конфетка. Ее отец осел в Вайоминге около года назад, когда закончилась война с индейцами и разгромленных сиу и шайеннов заперли в резервации. В самый тяжелый период войны Кольт вместе с Джессикой и Чейзом находился в Чикаго. Джесси тогда сделала все, чтобы он ни о чем не узнал, опасаясь его желания немедленно вернуться и сражаться за свой народ. Но он

не стал бы этого делать. Его матери, сестры и младшего брата уже не было в живых. Через два месяца после того, как в 1875-м он покинул племя, их убили двое золотоискателей, направлявшихся к Черным Холмам. В семьдесят четвертом там обнаружили золото, с тех пор вся местность кишела старателями.

Золото в центре индейской территории! Это было началом конца. Индейцы всегда знали о нем. Но как только это стало известно белым, их уже ничто не могло остановить. И несмотря на то что золотоискатели, шастая по индейской территории, нарушали договор, в конечном счете именно на их защиту встала армия. А потом – последняя великая победа индейцев в Литтл-Бигхорн и неизбежный конец.

Мать Кольта, Широкая Река, предвидела такой поворот событий. Поэтому она и спровоцировала ссору между ним и его отчимом, Бегущим Волком, чтобы вынудить сына покинуть племя. Она отправила бы с ним и сестру, но Серая Птичка к тому времени уже вышла замуж.

Мать рассказала ему об этом позже, когда все уже было решено, и объяснила, почему так поступила. Тогда Кольт сильно разозлился на нее. Страхи за его будущее ничего не значили для молодого парня. Он только признавал, что пришел конец прежней жизни. Но мать уже предчувствовала другой конец, конец всему, и поэтому подарила сыну новую жизнь, буквально выпихнув Кольта в нее.

Досадно было теперь убедиться в правоте матери, знать, что, доведись ему выжить во время войны, он оказался бы сейчас в резервации, как его отчим и младший брат. Если уцелели, конечно. Но еще обиднее избежать того унижения, чтобы получить нынешнее.

Двадцать пять? Тридцать? Впрочем, к чему считать?

Когда он приезжал сюда повидаться с Дженни, ему неоднократно доводилось наблюдать, как Рэмси Пратт управляется с бичом. Этот человек гордился своим мастерством и теперь пользовался случаем в очередной раз продемонстрировать его окружающим, раз за разом опуская хлыст на одно и то же место до тех пор, пока не лопалась кожа. Он бил снова и снова, углубляя рану, и просто из жестокости, чтобы причинить как можно больше страданий.

Кольт знал, что Пратт может работать бичом без усталости. Здоровенный, как медведь, он действительно походил на медведя. Плоский нос, едва различимый на лице, косматая грива грязных темных волос до плеч, длинная борода и усы. Если уж кто и походил на дикаря, так это Пратт. И Кольт видел радостный блеск его глаз, когда ему велели взять хлыст. Приказ явно доставил ему удовольствие.

Пятьдесят пять? Шестьдесят? Почему он все еще пытается вести счет? Осталась ли еще кожа на спине? Действительно дело обстоит так, как ему кажется, или это благодаря мастерству Пратта такое впечатление, словно спина объята пламенем? Странно, что он вообще еще чувствует, хоть и еле-еле, как кровь стекает в сапоги.

Долго еще Дженни будет стоять здесь и смотреть на него с таким же каменным и жестоким лицом, как и у ее папаши? Неужели он действительно мечтал жениться на ней, купив ранчо на то золото – прощальный подарок матери, – которое, придя в «Скалистую долину», обнаружил в своих пожитках?

Он захотел Дженни сразу, как только ее увидел. Джесси посмеивалась над ним по этому поводу и побуждала к решительным действиям. Ей удалось вселить в него достаточно уверенности, и он не долго колебался.

Когда они с Дженни впервые встретились наедине, он обнаружил, что пользуется взаимностью, а меньше чем через месяц она подарила ему свою невинность. В ту ночь он просил ее выйти за него замуж, и с тех пор они строили планы на будущее, выжидая лишь подходящий момент, чтобы сказать ее отцу. Но старик и сам обо всем догадывался. Поскольку скот из «Скалистой долины» пасся неподалеку от границ ранчо Кэллена, Кольту не составляло труда три-четыре раза в неделю заезжать к Дженни и днем, и вечером. То, что Уолтер Кэллен знал о серьезности намерений Кольта, должно быть, лишь подлило сейчас масла в огонь его ярости. А уж о Дженни и говорить не приходится.

Кольт понимал, что ему следовало поведать девушке о своем происхождении. Сказать, что на самом деле его зовут Белый Гром, а идея назвать его Кольтом принадлежит Джессике. Но проблема в том, что Дженни ему все равно бы не поверила, приняв его исповедь за обыкновенный розыгрыш. Слишком хорошо Джесси над ним поработала. Теперь он чаще всего даже думает как белый.

Однако для Дженни он больше уже не белый. Когда началось истязание, он успел заметить ее бешенство, прежде чем она совладала с собой. Лицо девушки стало каменным, как и у отца. Ни слез, ни воспоминаний о тех минутах, когда его руки и губы ласкали ее тело и как она умоляла его заняться с ней любовью всякий раз, стоило им остаться вдвоем. Теперь он для нее лишь грязный индеец, получивший по заслугам за то, что осмелился ухаживать за белой женщиной.

Ноги отказывались держать его. Перед глазами все плыло. Огонь, пожиривший спину, взорвался в мозгу. Он не понимал, как ему еще удастся сохранять вертикальное положение и невозмутимое выражение лица. А он-то полагал, что вынес ужасную боль во время ритуала «Танец Солнца»! По сравнению с тем, что происходит сейчас, это были просто детские шалости. А Дженни все не закрывает глаз и не отворачивается. Впрочем, с веранды ей не видна его спина. Не то чтобы это имело значение, и не важно, что он все еще смотрит ей в глаза. Все равно этого недостаточно, чтобы заблокировать боль.

Уолтер Кэллен подал Рэмси знак остановиться, когда глаза Кольта закрылись и голова упала на грудь.

– Ты еще жив, парень?

Кольт не реагировал. Крик бился в голове, в горле и только и ждал, чтобы прорваться наружу. Но он скорее откусит себе язык, чем позволит ему вылететь. И это не яростная гордость индейца, решившего не издавать ни звука. Индейцы уважали белых, которые мужественно смотрели в лицо смерти. Но от этих людей он ничего подобного не ждал. Он молчал ради собственного спокойствия, чтобы сохранить уважение к самому себе.

Вопрос Кэллена разрушил царившую вокруг него тишину. Раздались удивленные возгласы ковбоев, пораженных, что он все еще стоит. Завязался спор: возможно ли удержаться на ногах, потеряв сознание? Кто-то предложил вылить ему на спину ведро воды, если он действительно отключился. Тут Кольт открыл глаза, достаточно ясно сознавая, что его самообладанию придет конец, если на истерзанную спину выльют воду. Поднять голову оказалось значительно труднее, но ему удалось и это.

– В жизни бы такому не поверил, не доведись увидеть собственными глазами, – сказал кто-то рядом с ним.

Свист хлыста возобновился, но на него никто уже не обращал внимания, кроме того, кто орудовал хлыстом, и того, кто получал удары.

– Я все еще не могу поверить, – бормотал голос позади Кольта. – Это же совершенно невозможная вещь!

– А чего ты ждал? Он ведь только получеловек, знаешь ли. Это вторая половина еще на ногах.

Рэмси отключился от голосов, сконцентрировавшись на том, чтобы бить теперь только по открытым ранам. Он был взбешен тем, что еще не сломал индейца, и его злость отрицательно сказывалась на точности попаданий. Чертов ублюдок не возьмет над ним верх, он не даст краснокожему умереть молча!

Рэмси озверел настолько, что, в отличие от остальных, не услышал вылетевших из-за дома всадников. Разом обернувшись, все увидели, что на них летят Чейз и Джессика Саммерсы с двадцатью ковбоями.

Если до Рэмси и донеслись какие-то звуки, он, должно быть, решил, что это вернулись с пастбищ остальные люди Кэллена, и не остановился. Он уже изготовился нанести очередной удар, когда Джесси Саммерс выхватила револьвер и выстрелила.

Пуля, которая должна была разнести Рэмси череп, просвистела у него над головой – в последний момент Саммерс успел отбить руку жены вверх. Но выстрел послужил сигналом к тому, что все люди, приехавшие с ранчо «Скалистая долина», выхватили ружья и револьверы. Команда Кэллена замерла на месте, не осмеливаясь даже вздохнуть.

До Уолтера Кэллена начало доходить, что он, кажется, допустил серьезную ошибку. Полукровку, конечно, надо было убить, но не привлекая к этому так много внимания.

Рэмси Пратт в ужасе уставился на оружие, нацеленное главным образом на него. Против такого количества стволов с хлыстом не попрешь. Даже с бичом.

Он осторожно опустил руку, и окровавленный хлыст красной змеей свернулся у его ног.

– Скотина! – заорала Джесси Саммерс на собственного мужа. – Зачем ты помешал мне? Зачем?

Прежде чем Чейз успел ответить, она прыгнула с коня и подбежала к коновязи, бесцеремонно расталкивая по дороге работников Кэллена, которые все еще не осмеливались без приказа сдвинуться с места. За все двадцать пять лет своей жизни она еще никогда не была так разъярена. Ни отец, ни мать, ни муж, с каждым из которых она время от времени ссорилась, не могли привести ее в то состояние, в котором она пребывала сейчас. Если бы Чейз не остановил ее, она бы выпустила всю обойму в работников Кэллена, а последнюю пулю – в самого хозяина.

Но когда Джесси приблизилась к Сандеру и увидела, что сотворил с его спиной хлыст, вся ее ярость мгновенно улетучилась. Молодая женщина со стоном перегнулась пополам, и ее вывернуло на залитую кровью землю.

Чейз немедленно подлетел к ней и обнял за плечи. Но смотрел он при этом на Сандера, и сам едва совладал с собственным желудком. Чейз давно воспринимал этого человека как друга, хотя Кольт всегда был ближе к Джесси. Джессика любила его как брата. Половину жизни их связывали особые отношения. Кольт всегда оказывался рядом, когда она нуждалась в помощи, и Джесси наверняка станет винить себя, что не успела приехать сюда вовремя. А Чейз был практически уверен: уже слишком поздно. Если Кольт и не умер еще от болевого шока, то наверняка умрет от потери крови.

– Не-е-ет! – рыдала теперь Джесси, вновь подняв голову и глядя на Сандера. – О Боже, Боже! Сделай же что-нибудь, Чейз!

– Я уже послал за доктором.

– Это слишком долго! Сделай что-нибудь сейчас! Ты должен сделать что-нибудь прямо сейчас. Останови кровь! Господи, почему его до сих пор не отвязали?!

Это не было вопросом. Джесси не отдавала себе отчета в том, что говорит. Почти в трансе она обошла коновязь. Так было уже лучше. Спереди Кольт выглядел

вполне нормально, за исключением бледности, какой-то мертвой неподвижности и едва уловимого дыхания. Она боялась прикоснуться к нему. Ей хотелось обнять его, но она не посмела. Любое прикосновение причинит ему боль, каждое движение будет пыткой.

- Господи, Белый Гром, что они с тобой сделали? - сквозь слезы прошептала она.

Кольт слышал ее. Он знал: она здесь, прямо перед ним, но глаз все же не открывал. Если он увидит боль на ее лице, то потеряет остатки самообладания. Его ужасала мысль, что она прикоснется к нему, но в то же время он безумно нуждался в ее нежности.

- Не... плачь...

- Нет, нет, я вовсе не плачу, - заверила его Джессика, хотя слезы непрерывным ручьем текли у нее по щекам. - Только ты не пытайся говорить, ладно? Я сама обо всем позабочусь. Даже убью Кэллена за тебя.

- Не... надо... никого... убивать...

- Ш-ш-ш, ладно, ладно, как скажешь, только теперь молчи.

И затем:

- Черт возьми, Чейз! Снимай быстрее эти веревки! Нужно срочно остановить кровотечение.

Когда Кольта развязали, он даже не пошевелился. Теперь перед ним стоял и Чейз, ласково объясняя:

- Джесси, солнышко, хлыст все время тащили по грязи. Его спину сначала нужно как следует промыть, если ты не хочешь, чтобы он умер от заражения крови.

Повисло тяжелое молчание. Кольт насторожился бы, не будь он уже и так напряжен до предела.

- Давай, Чейз, - спокойно проговорила Джесси.

– Господи, Джесси...

– Но ты должен, – настаивала она.

Все трое достаточно хорошо знали друг друга, и оба мужчины прекрасно поняли, что речь идет вовсе не об обработке ран или переносе Кольта в другое место. Кольт чуть было не вздохнул от облегчения. Наконец-то она подумала о чем-нибудь путном.

– Сперва нам нужен матрас и пара мужчин, которые будут поддерживать его, чтобы он не упал.

Джесси снова стала сама собой, раздавая приказы. Но когда она послала двоих человек в дом за матрасом, Уолтер Кэллен наконец вспомнил, кто здесь хозяин, и встал в дверях, преграждая им путь.

– Вы не получите никакого матраса для этого грязного...

Договорить он не успел. При звуке его голоса Джессика яростно развернулась, и вновь охватившее ее бешенство теперь было направлено только на Кэллена. Мгновенно взлетев на веранду, она походя выхватила револьвер у одного из мужчин, которым Кэллен преградил путь. На этот раз Чейза рядом не было, чтобы остановить ее. А никто другой ни за что бы не отважился даже попытаться.

– В вас никогда прежде не стреляли, Кэллен? – светским тоном поинтересовалась она, жестом приказав обоим мужчинам войти в дом и поглаживая при этом ствол старого кольта 44-го калибра. – Есть у человека части тела, которые можно отстрелить, не проливая при этом много крови, но будет чертовски больно. Палец на руке или на ноге, к примеру... Или то, что делает мужчину мужчиной. Как вы думаете, сколько потребуется пуль, если отстреливать по дюйму за раз? Три? Или даже меньше? Полагаете, это будет соответствовать вашей собственной жестокости?

– Да вы сумасшедшая! – в ужасе прошептал Уолтер, схватившись за свой револьвер.

Джессика не пыталась помешать ему, лишь пристально следила за его рукой, надеясь, что он выхватит-таки оружие. Кэллен увидел этот огонек надежды в ее глазах и медленно убрал руку.

– Трус! – прошипела она. Ей надоело играть с ним. – Собирай свое барахло, Кэллен, и чтобы до захода солнца ни тебя, ни твоих людей и духу здесь не было! Посмей проигнорировать мои слова, и я превращу твою жизнь в ад. На этой земле тебе нигде не удастся скрыться от моей мести.

Такого оборота он не ожидал.

– У вас нет никакого...

– К черту, Кэллен!

Он умоляюще посмотрел на ее мужа.

– Саммерс, вы не могли бы уговорить свою жену?

– Я уже оказал тебе одну услугу, сукин ты сын! – рявкнул Чейз. – Помешал ей снести тебе череп! Все ее требования – сущая ерунда в сравнении с тем, что ты заслужил! Поэтому не вякай! Тебе повезло: один из твоих работников – собутыльник моего бригадира. И тебе чертовски повезло, что ему не пришлось скакать к нам на ранчо, а он нашел нас на пастбище. Но на этом твое везение кончилось. То, что ты сделал, – чудовищная дикость, не свойственная даже зверю.

– Я был в своем праве, – запротестовал Уолтер. – Он совратил мою дочь.

– Эта хладнокровная сучка, которую ты называешь дочерью, сама вешалась ему на шею, – фыркнула Джесси, отодвигаясь чуть в сторону, чтобы дать вынести матрас. Фургон к этому времени уже подогнали. – И вот что я скажу тебе напоследок: если он умрет, ты покойник, Кэллен. Поэтому тебе лучше хорошенько помолиться по дороге из Вайоминга.

– Шериф непременно узнает обо всем!

– О да, надеюсь, ты окажешься настолько туп. Очень надеюсь. Если бы я не подозревала, что ты отделаешься лишь легким шлепком по рукам, то сама бы сдала тебя шерифу. Посмей только выступить против меня – и я возьму правосудие в свои руки! Богом клянусь! Хотя, наверное, все равно придется, – с некоторой долей самоотвращения закончила Джесси, поворачиваясь, чтобы спуститься с веранды.

– Черт, это же всего лишь вшивый полукровка, – пробормотал Уолтер за ее спиной.

Джесси стремительно обернулась к нему, ее бирюзовые глаза метали молнии.

– Ах ты ублюдок! Дерьмо ничтожное! Это моего брата ты чуть не убил! Еще слово – и я всажу тебе пулю между глаз!

Она еще пару секунд смотрела на него, выжидая, не проигнорирует ли он ее угрозу, затем отвернулась и пошла к Кольту. Его глаза были широко открыты. Они долго, не отрываясь, смотрели друг на друга.

– Ты... знала?

– Не всегда. А ты?

– Узнал... когда уходил.

– Странно, что она вообще тебе сказала. – Джессика ласково дотронулась пальцем до его губ. – Меня всегда удивляло сходство между нами, которого, однако, не было между мной и твоими братьями и сестрой. В конце концов я прямо спросила у Широкой Реки. Она не ответила. Ей не очень-то хотелось признаваться, что ее старшая дочь – не единственный ребенок моего отца. Но она не стала отрицать, и мне этого было достаточно. Я так хотела, чтобы это оказалось правдой.

– Джесси, тебе не кажется, что этот разговор можно отложить на потом? – сказал Чейз.

Она кивнула и нежно провела пальцем по щеке Кольта. Для двоих мужчин, стоявших сзади, это послужило сигналом, чтобы подойти и схватить его за руки. Когда Чейз встал прямо перед ним, Кольт снова закрыл глаза.

- Прости, дружище.

- Не будь ослом, Чейз, - скучным тоном протянула Джесси, заработав от мужа взгляд «я с тобой за это еще рассчитаюсь», который она, как всегда, проигнорировала. - Это единственное, за что он будет признателен, вспоминая нынешний гнусный день. Давай, не тяни!

И Чейз со всей силы двинул Кольта кулаком в челюсть.

Глава 2

Чешир, Англия, 1878 год

Забыв про лежащее на коленях шитье, Ванесса Бриттен наблюдала за юной герцогиней, вышагивающей очередной круг по комнате. Отдает ли она себе отчет в том, что уже протоптала дорожку в дорогом восточном ковре?

Кто бы мог подумать, что герцогиню так опечалит маленькая трагедия, происходящая сейчас наверху? Сама Ванесса, согласившись в прошлом месяце стать компаньонкой девятнадцатилетней герцогини, и представить себе этого не могла. Совершенно обычное явление, когда молодые девушки выходят замуж за пожилых лордов ради их денег и титула. А Джослин Флеминг подцепила одного из самых завидных - Эдварда Флеминга, шестого герцога Итонского. Когда они поженились в прошлом году, возраст герцога уже никак нельзя было назвать средним, и здоровьем он был очень слаб.

Однако мнение Ванессы о молодой герцогине скоро изменилось. О, конечно, девушка осталась совсем без средств, когда герцог попросил ее руки. Если верить Джослин, ее отец владел конным заводом в Девоншире, одним из лучших в Англии. Но, как и большинство его современников, был неисправимым игроком. После смерти он оставил в наследство дочери такие долги, что в итоге Джослин

оказалась без единого фартинга. Эдвард Флеминг буквально спас бедняжку от наихудшей для благородной леди участи – необходимости искать работу.

По поводу такого поворота событий Ванесса могла сказать лишь «браво!». Она любила счастливые развязки и не относилась к тем людям, которые завидуют другим по мелочам или по-крупному. К тому же Джослин Флеминг не была охотницей за деньгами, каковой сочла ее поначалу Ванесса.

Графиня прожила в Лондоне много лет, и большинство ее подопечных оказывались хладнокровными и расчетливыми девицами, готовыми на все, лишь бы урвать кусок пожирнее. А Джослин не имела ни малейшего представления о том, что значит быть хладнокровно расчетливой. Наивная, открытая, доверчивая и невинная, она была именно такой, какой казалась, хотя в это с трудом удавалось поверить. Но самое поразительное заключалось в том, что она действительно любила человека, который умирал сейчас наверху.

Благодаря всем этим причинам Ванесса и была взята в компаньонки. В течение последних месяцев герцог предпринял немало весьма необычных шагов: продал собственность, не входящую в майорат, а вырученные деньги частично перевел за рубеж, а частично закупил на них все необходимое для длительного путешествия. Он позаботился о каждой мелочи. Единственное, что оставалось сделать Джослин и ее довольно значительному эскорту, – отправиться в путь. Все уже было даже упаковано.

Ванесса довольно скептически относилась к тому, что делал герцог, пока не познакомилась с его дальними родственниками, «стервятниками», как он их называл.

Если кого и можно было считать в высшей степени жадным и жестоким, так это Мориса Флеминга, наследника герцогской короны, с которым Эдвард не желал даже находиться в одной комнате. Герцог не имел прямых наследников. Морис был сыном его двоюродного или троюродного брата. Но у него на шее висела куча родственников жены, не говоря уже о его собственной матери и четырех сестрах. Сказать, что он ждет не дождется кончины Эдварда – значит не сказать ничего. У него во Флеминг-Холле имелись свои шпионы, пристально следившие за состоянием Эдварда, и в тот момент, когда объявят о кончине герцога, Морис – в этом нет никакого сомнения – уже будет стучаться в парадную дверь.

Бедная Джослин оказалась в самом центре затяжной семейной войны. Родственники Эдварда приложили максимум усилий, чтобы отговорить его от брака с ней. Когда же им это не удалось, они прибегли к угрозам, и Эдвард обо всем узнал. Так что предпринятые им шаги в защиту интересов своей молодой жены отнюдь не были чрезмерными.

Теперь Ванесса первая согласилась бы, что оставаться в Англии – непозволительная глупость. Зачем испытывать судьбу? Новоявленный герцог не станет спокойно сидеть и наблюдать, как большая часть состояния Флемингов уплывает у него из рук. Он сделает все возможное, чтобы заполучить ее обратно, а став герцогом Итонским, приобретет огромную власть. Но Эдвард был тверд в своем решении: Морис и его алчная семейка не получают ничего, кроме майората. Все остальное достанется Джослин за ее верность и бескорыстную преданность ему.

Если кто и нуждался сейчас в советах и указаниях Ванессы, так это юная девушка с заплаканными глазами. Джослин не хотела покидать Англию и все, что было ей дорого. Она непрерывно спорила с мужем с тех самых пор, как он впервые предложил ей уехать. Она, как ребенок, боялась неизвестности, не осознавая, какая опасность грозит ей, если она останется и попадет во власть Мориса. Ванесса же, наоборот, понимала все слишком хорошо. Господи помилуй, даже подумать об этом страшно! Джослин скоро станет вдовствующей герцогиней, а жена Мориса – новой герцогиней Итонской. В итоге титул Джослин ей мало поможет, если Морис сумеет наложить на нее лапу.

– Ваша милость! – В дверях нерешительно стояла экономка. Рядом с ней виднелась фигура личного врача королевы. – Ваша милость!

Потребовалось сказать еще раз «ваша милость!», чтобы оторвать Джослин от тягостных раздумий. Ванесса видела, что девушка все еще лелеет надежду, хоть и слабенькую. Но ей хватило одного взгляда на врача, чтобы надежда окончательно умерла.

– Как скоро? – почти беззвучно спросила Джослин.

– Нынче ночью, ваша милость, – ответил старый доктор. – Мне очень жаль. Мы знали, что это лишь вопрос времени...

Он умолк.

– Могу я его увидеть?

– Безусловно. Он зовет вас.

Джослин кивнула и расправила плечи. Если она чему и выучилась у своего мужа за прошедший год, так это гордой осанке и определенной самоуверенности, соответствующей ее высокому положению в обществе. Она не заплачет, ни за что не заплачет на глазах у прислуги. Вот когда останется одна...

Ему ведь всего пятьдесят пять лет! Когда Джослин впервые встретила с ним четыре года назад, его каштановых волос едва коснулась седина. Он приехал в Девоншир, чтобы приобрести гунтера у ее отца. Она тогда порекомендовала ему менее броскую лошадь, и Эдвард последовал именно ее совету, а не отцовского коневода. Предложенный ею гунтер был на редкость выносливым и спокойным. Эдвард не пожалел о своем выборе.

На следующий год он снова приехал за парой скаковых лошадей. И вновь прислушался к ее рекомендации. Джослин это ужасно польстило. Она хорошо разбиралась в лошадях, выросла среди них, но никто не принимал ее всерьез по причине слишком юного возраста. Однако на Эдварда Флеминга ее познания и уверенность произвели большое впечатление. Чистокровные верховые скакуны, которых она продала ему, принесли немало денег. Он опять не был разочарован. Постепенно они подружились, несмотря на столь значительную разницу в возрасте.

Едва прослышав о смерти отца Джослин, Эдвард примчался к ней и сделал ей предложение, от которого она не могла отказаться. Это было вовсе не непристойное предложение. Эдвард уже знал, что жить ему осталось недолго. Врачи давали ему не больше нескольких месяцев. Ему нужна была спутница, верный друг, кто не остался бы равнодушен к его уходу и пролил слезу на могиле. Друзей у него хватало, но никто не был достаточно близок.

Эдвард неустанно повторял, что она продлила ему жизнь, и Джослин очень хотелось верить в это. Она была благодарна судьбе за несколько дополнительных месяцев, дарованных им. Эдвард стал для нее всем: отцом, братом, наставником, другом, героем. Всем, только не любовником. Но с этим

ничего нельзя было поделать. Он утратил способность заниматься любовью с женщинами задолго до их знакомства. Невинная восемнадцатилетняя невеста, она не ведала, чего лишена, и потому вовсе не сожалела, что в их взаимоотношениях с мужем оставалась не исследованная ею область. Она бы очень хотела это узнать, но вовсе не чувствовала себя обманутой. Она просто любила Эдварда за все то, что он для нее сделал.

Иногда Джослин казалось, что она начала жить только после знакомства с ним. Мать умерла слишком рано, Джослин не помнила ее. Отец большую часть времени проводил в Лондоне, а когда изредка навещался домой, тоже не баловал ее своим вниманием. Между ними так и не возникло близости. Девушка вела тихую, одинокую жизнь в провинции, и ее единственной страстью были лошади, которых разводил отец. Эдвард открыл для нее целый мир. Мир спорта, светской жизни, подруг, модной одежды и роскоши, о которой она и не мечтала. И вот теперь Джослин снова предстоит начать новую жизнь, но уже некому будет вести ее по ней. Господи, что с ней станет без него?

Войдя в спальню Эдварда, Джослин придержала дыхание, чтобы привыкнуть к тяжелому запаху болезни. Она не будет доставать надушенный платок, чтобы нейтрализовать неприятное ощущение. Она не может так обидеть его!

Герцог полулежал на огромной кровати посередине комнаты и неотрывно смотрел, как она приближается. Его большие серые глаза были печальны, почти безжизненны, мешками отвисшая под ними кожа стала смертельно бледной. Мучительно больно видеть его таким! Всего несколько недель назад он спокойно передвигался, бодрый и здоровый. Или притворялся таким ради нее? И составлял планы, принимал меры, чтобы обеспечить ей будущее, понимая, что его время подходит к концу.

- Не будь такой грустной, любовь моя.

Даже голос его звучал не так, как прежде. Боже, как она сможет попрощаться с ним и не разрыдаться?!

Джослин взяла его руку, лежащую на бархатном покрывале, и прижала к губам. Подняв голову, она улыбнулась, чтобы доставить ему удовольствие, но улыбка быстро увяла.

– Зачем лгать? – сказала она себе и ему. – Мне грустно. И я ничего не могу с собой поделать, Эдди.

Искорка прежнего юмора промелькнула в его глазах. Никто, кроме нее, не осмеливался его так называть. Даже в детстве.

– Ты всегда была прискорбно честной. Это меня особенно восхищало в тебе!

– А я-то думала, что тебя восхищало мое чувство лошадей... Знание лошадей.

– И это тоже.

Его попытка улыбнуться не удалась.

– Тебе больно? – робко спросила она.

– Не больше обычного.

– Разве врач не дал тебе...

– Позже, милая. Я хотел остаться в ясном уме, чтобы попрощаться.

– О Боже!

– Ну перестань. – Он попытался говорить строго, но с ней ему этого никогда не удавалось. – Пожалуйста, Джослин. Я не могу видеть, как ты плачешь.

Она отвернулась, чтобы вытереть слезы, но, когда снова посмотрела на мужа, ручейки опять побежали по ее щекам.

– Прости меня, но мне так больно, Эдди. Я не собиралась так полюбить тебя. Во всяком случае, не так сильно, – честно призналась она.

Подобного рода заявление еще несколько дней назад заставило бы его рассмеяться.

– Знаю.

– Ты тогда говорил – два месяца, и я подумала... я подумала, что не успею привязаться к тебе за такой короткий срок. Я хотела облегчить тебе последние месяцы жизни, дать тебе счастье, если смогу. Я была так благодарна за все, что ты для меня сделал! Но я не предполагала полюбить тебя настолько, чтобы было больно, когда... Впрочем, это все не важно, верно? – Горькая улыбка мелькнула у нее на губах. – Два месяца не успели истечь, а ты уже стал мне так дорог! Ох, Эдди, неужели ты не можешь дать нам еще хоть чуточку времени? Ты ведь один раз обманул врачей! И можешь это сделать опять, правда?

Как же ему хотелось сказать «да»! Он не желал уходить из этой жизни именно сейчас, когда наконец нашел свое счастье! Но он никогда не обманывал ее прежде, не станет лгать и теперь. Он и так поступил слишком эгоистично, женившись на ней. Были ведь и другие возможности помочь. Но что сделано, то сделано, и он ни капли не сожалеет о времени, которое провел с ней, сколь бы коротким оно ни было, пусть даже теперь это причиняет ей такое горе. Она полностью оправдала его надежды. Единственное, чего он не учел, это той безграничной муки, которую причиняет мысль о вечной разлуке с ней.

Вместо ответа Эдвард сжал руку жены. Увидев, как поникли ее плечи, он понял, что она догадалась. Он вздохнул и закрыл глаза, но только на мгновение. Ему всегда нравилось смотреть на нее, а сейчас он особенно в этом нуждался.

Она невероятно красива, думал Эдвард, хотя первая высмеяла бы его, попытайся он заговорить об этом. И была бы по-своему права, ведь красота ее не имеет ничего общего с той, что сейчас в моде. Слишком здоровый, чтобы быть элегантным, цвет лица, слишком яркие рыжие волосы, полыхающие как пламя, слишком необычные светло-зеленые глаза. И слишком выразительные к тому же. Если Джослин кто-то не нравится, ее глаза тут же говорят об этом. Она абсолютно искренна, себе во вред, и понятия не имеет о двуличии. Не похожа она и на других рыжеволосых женщин: на ее безупречной коже нет ни одной веснушки. Кожа настолько светлая, что кажется прозрачной.

Вот черты лица больше отвечают классическим канонам. Небольшое овальное личико с плавно изогнутыми бровями, маленький прямой носик, мягкий нежный рот. Подбородок упрямо вздернут, но это вовсе не намек на свойство характера. Единственный раз она выказала строптивость, когда возражала против отъезда из Англии. Да и то в конце концов сдалась.

Что же до остального, тут даже он вынужден признать: ее фигурка могла бы быть и поплотнее. Чуть выше среднего роста, она все-таки уступает ему несколько дюймов, хоть сам он далеко не гигант. Всегда подвижная и энергичная, приехав с Флеминг-Холл, она развила большую активность, от чего стала еще изящнее и стройнее. А за последний месяц в заботах о нем совсем похудела. Платья на ней висят. Но ее это мало беспокоит. Она совсем не тщеславна. Принимает себя такой, какая есть, и не старается казаться лучше.

В своем безрассудстве Эдвард вдруг обнаружил, что ужасно ревнует ее ко всем, и был счастлив убедиться: другие мужчины не восхищаются ею так, как он. А поскольку его привязанность не содержала сексуального оттенка, недостатки ее фигуры утрачивали свое значение.

- Я говорил, как благодарен тебе, что ты согласилась стать моей герцогиней?

- Раз сто по меньшей мере.

Он вновь сжал ее руку. Джослин едва почувствовала это.

- Вы уже готовы, графиня и ты?

- Эдди, не...

- Нам нужно об этом поговорить, любовь моя. Ты должна будешь уехать немедленно, даже если все случится посреди ночи.

- Но так нельзя!

Он знал, что она имеет в виду.

- Похороны - печальная вещь, Джослин. Твое присутствие на них не послужит ничему, лишь разрушит все мои усилия, предпринятые для обеспечения твоего будущего. Обещай мне!

Она нехотя кивнула. Слова мужа делали ее немедленный отъезд реальностью. До этой минуты девушка старалась не думать о нем, словно надеясь таким

образом удержать Эдварда подольше. Теперь это уже не представлялось возможным.

– Я отослал копию завещания Морису.

Увидев, как расширились ее глаза, он пояснил:

– Хочу верить, это удержит его от необдуманных поступков. Поняв, что ты покинула страну, он, надеюсь, оставит все как есть и удовлетворится перешедшим к нему майоратом. Итон достаточно богат, чтобы обеспечить всю его семейку.

Джослин не нужно было оставаться на чтение завещания, поскольку все остальное свое имущество муж уже перевел на ее имя.

– Если бы ты просто все ему отдал!..

– Никогда! Скорее я пожертвовал бы все бедным, чем позволил... Джослин, я хочу, чтобы мое имущество принадлежало тебе! Это одна из причин, почему я на тебе женился. Мне важно быть уверенным, что ты ни в чем не нуждаешься, и я позаботился о твоей безопасности. Люди, нанятые для твоей охраны, – самые надежные, каких только можно было найти. Когда ты покинешь Англию, Морис не сможет настроить суд против тебя. А когда ты станешь совершеннолетней или выйдешь замуж...

– Не говори мне сейчас о замужестве, Эдди... Только не сейчас, – прерывающимся голосом сказала она.

– Прости меня, дорогая, но ты еще так молода. Настанет день, когда...

– Эдди, ну, пожалуйста!

– Хорошо. Но ты ведь знаешь, что я лишь желаю тебе счастья?

Ему не следовало много говорить. Он был утомлен до такой степени, что едва мог держать глаза раскрытыми. А хотелось еще столько ей сказать...

- Мир принадлежит тебе... Наслаждайся им...

- Я так и сделаю, Эдди. Обещаю. Я превращу это путешествие в настоящее приключение, как ты хотел. Везде побываю, все посмотрю.

Джослин говорила очень быстро, потому что ей вдруг показалось, что он умирает прямо у нее на глазах. Она крепко сжимала руку Эдварда, пока его взгляд снова не сфокусировался на ней.

- Буду ездить на верблюдах и слонах, стану охотиться на львов в Африке, взберусь на египетские пирамиды...

- Не забудь... свою конеферму.

- Не забуду. Я разведу самых лучших племенных коней, самых чистокровных скакунов во всем... Эдди?

Его глаза закрылись, пальцы безвольно разжались.

- Эдди?

- Я... люблю тебя... Джослин...

- Эдди!

Глава 3

Аризона, 1881 год

Дорога больше походила на козью тропу и местами становилась настолько узкой, что передняя повозка несколько раз застревала. Сначала - между горным склоном и обломками скалы, которые нельзя было сдвинуть, потом - между двумя высокими каменистыми склонами. Приходилось расширять ее кирками и лопатами, оказавшимися, к счастью, в багаже. Все это отнимало массу времени.

В это жаркое октябрьское утро караван не очень-то много проехал.

Жара. Неприятно, конечно, но в Мексике было еще хуже. Намного хуже, особенно в июле. Весьма неподходящее время года для путешествия по этой стране. Прошлой ночью караван, состоящий из повозок и фургонов, пересек мексиканскую границу, и тут их проводник испарился. Именно по этой причине они сейчас и двигались по плохой дороге. Заблудились среди горных цепей, которым, казалось, не было конца. Хотя эта тропа наверняка должна привести куда-нибудь.

Они едут в Бисби. Или Бенсон? Нет, проводник здесь решительно необходим. Мексиканец, нанятый несколько месяцев назад, великолепно провел их через границу, но явно солгал насчет своего знания Северо-Американской территории, иначе не сбежал бы втихомолку.

Конечно, торопиться особенно некуда. Запасов хватит на месяц, а золота достаточно, чтобы опустошить все магазины Бисби или Бенсона, когда они наконец туда доберутся. Собственно, сгодится вообще любой город. Не имеет значения, какой именно.

В последнее время было подброшено немало монет, чтобы определить, в каком направлении двигаться дальше. Джослин затеяла эту игру еще в Европе, когда не могла решить, какую страну посетить следующей. На этот раз она твердо вознамерилась добраться до Калифорнии, куда отправила свой корабль «Джосел». Там она собиралась пересечь на него. В случае, если ее решение изменится, всегда можно отправить указание капитану встречать караван в каком-нибудь другом месте. Она уже не раз так делала.

Джослин еще не до конца определилась, провести ли несколько месяцев, изучая эту страну, как она поступила в Мексике, или, достигнув Калифорнии, двинуться в Канаду.

А может быть – в Южную Америку. Это действительно вопрос приоритета: безопасность или удовольствие. Ей хотелось посмотреть Западные территории, а также большинство штатов и их города. Пока она видела лишь Нью-Йорк и Новый Орлеан. Особенно ее интересовали конефермы в Кентукки, о которых она много слышала. Джослин мечтала сравнить выращиваемых там чистокровных скакунов со своими. А если найдутся подходящие кобылы, прикупить несколько

для сэра Джорджа – племенного жеребца, которого она везла с собой из Англии.

Но если она поступит так, как ей больше всего хочется, Джон Длиннонос скорее всего до нее так и доберется. Вот уже три года, с тех самых пор, как она покинула Англию, этот тип преследует ее по всему миру. Во всех странах он по мере необходимости нанимает бандитов, поэтому Джослин и ее спутники никогда не знают, кого подозревать и кого искать. Самого этого человека они никогда не видели, неизвестно было и его настоящее имя. Они сами прозвали его Джоном Длинноносом. Надо же его как-то называть, раз уж он является постоянным предметом их разговоров.

Конечно, безопаснее всего было бы сесть на корабль и выйти в море сразу по прибытии в Калифорнию. В этом случае появлялся шанс, что Длиннонос потеряет их след. Хотя бы на время. Если, конечно, он уже не выследил ее корабль у западного побережья и не поджидает их там. Но, черт возьми, ей надоело все время руководствоваться интересами безопасности! Действительно надоело. С самого первого дня этого сумасшедшего путешествия она только тем непрерывно и занимается, что покидает разные места раньше, чем ей того хотелось бы, постоянно меняет гостиницы и еще чаще имена.

– О, дорогая, я вижу, ты снова что-то затеваешь, – заметила Ванесса, многозначительно посмотрев на веер, которым Джослин махала все усерднее. Удостоившись вместо ответа хмурого взгляда, она поспешила добавить: – Ужасно жарко, не правда ли?

– Нам доводилось бывать и в более жарких странах, включая ту, которую мы только что покинули.

– Действительно доводилось.

Ванесса больше ничего не добавила. Она даже отвернулась к окну, показывая тем самым, что вопрос закрыт. Но Джослин прекрасно знала: это не так. Чистое притворство со стороны графини – делать вид, будто она уступила. На самом деле это случалось крайне редко, если случалось вообще. Довольно утомительная привычка, хотя Джослин за последние годы успела с ней смириться и даже в большинстве случаев не обращала внимания. Гораздо проще сказать Ванессе все, что она хочет знать, чем пытаться от нее отделаться.

Легко предположить, что две женщины, не разлучавшиеся столь долгое время, смертельно надоедят друг другу. Но с ними этого не произошло. Дружба, зародившаяся еще в Англии, со временем только крепла. И вскоре они уже все знали друг о друге и решительно обо всем могли говорить.

Они являли собой странную пару: огненноволосая, зеленоглазая Джослин и кареглазая пепельная блондинка Ванесса. Графине уже исполнилось тридцать пять, но выглядела она лет на десять моложе. Ее мягкая женственная фигура притягивала взоры многих мужчин. Джослин же по-прежнему оставалась худенькой и изящной. Даже поглощаемая в огромных количествах экзотическая пища, которой изобиловало ее меню в каждой стране, где они успели побывать, ничуть не отразилась на ее девичьей стройности. Рядом с маленькой графиней Джослин казалась еще тоньше и выше своих пяти с половиной футов. Ванесса была живой, общительной, очень доброжелательной. Джослин же из-за своей неординарной внешности выглядела полной ее противоположностью.

Джослин и представить себе не могла, как обходилась бы без графини все это время. Она была бесконечно благодарна своей старшей подруге за то, что та не покинула ее. Особенно она оценила преданность Ванессы в Нью-Йорке, когда преследование Джона Длинноноса ужесточилось и был убит ее американский адвокат. Но Ванесса, казалось, получала истинное удовольствие от их приключений. В отличие от самой Джослин графине всегда хотелось посмотреть мир, поэтому она наслаждалась каждым мгновением их длительного путешествия. Она никогда не жаловалась на возникающие в пути бытовые неудобства или на становившуюся порой невыносимой погоду.

Но Ванесса не была единственной, кто хранил верность Джослин. С ними ехали Бабетта и Джейн, горничные из Флеминг-Холла, три грума, которые следили за лошадьми, а также слуги Сидней и Пирсон, оказавшиеся совершенно незаменимыми при разбивке лагеря под открытым небом. Всех этих людей выбрал для Джослин еще Эдвард. Правда, они потеряли кухарку и двух ее помощников, но Филипп Мариво, темпераментный повар-француз, которого они нашли в Италии, оказался прекрасной заменой, как и нанятые позже ему в помощь испанец с арабом. Двое последних к тому же в случае необходимости великолепно умели править фургоном. Из шестнадцати охранников ушли лишь четверо, но подыскать кого-то на их место оказалось непросто. Владеющих оружием мужчин было сколько угодно, но охотников присоединиться к каравану и отправиться в это бесконечное путешествие не нашлось.

Минут пять спустя Ванесса снова заговорила:

– Тебя ведь не беспокоит эта узенькая дорожка, по которой мы тащимся, верно?

– Это всего лишь обычный караванный путь, и мы теперь уже, кажется, спускаемся по нему, так что ехать осталось недолго.

– Значит, ты действительно что-то затеваешь! – довольным тоном заявила Ванесса. – Надеюсь, это никак не связано с тем парнем, что остался в Нью-Йорке? Мне казалось, ты решила не выходить за него замуж, пока не решишь проблему со своей девственностью.

Джослин не покраснела, как в первый раз, когда они коснулись деликатной темы. С тех пор подруги так часто обсуждали этот вопрос, что краснеть стало уже решительно не от чего.

– Я не передумала, – ответила Джослин. – Чарльз был знаком с Эдвардом, он встречался с ним, когда ездил в Европу. И я ни при каких обстоятельствах не позволю ему узнать о мужской несостоятельности Эдварда. Не позволю осквернить его память таким образом. А если я выйду замуж за Чарльза, то скрыть это не удастся никак, разве что он страдает тем же недугом. Но это маловероятно, поскольку он молод.

– И нетерпелив. Ты, помнится, говорила, что он зажал тебя в спальне и чуть было не...

– Ну да, и мы с тобой сочли, что он более чем способен потребовать выполнения супружеского долга.

Теперь уж Джослин вспыхнула. Она не собиралась рассказывать Ванессе о том случае. Но, как обычно, ее более опытная компаньонка вытянула из нее все, от начала до конца. Нет, Джослин не стыдилась происшедшего. Чарльз к этому моменту уже сделал ей предложение. И если в тот вечер, выпив чуть больше обычного, она позволила бы Чарльзу соблазнить себя, в этом не могло быть ничего плохого, учитывая их взаимные чувства. Но тогда она забыла о своем щекотливом положении. И если бы Ванесса не отправилась ее искать, положив таким образом конец страстным объятиям Чарльза, то проблема была бы уже снята, а Чарльз обнаружил, что вдова герцога Итонского до встречи с ним

оставалась девственницей.

- Не будь ты в Марокко так скованна, - напомнила ей Ванесса, - закрутила бы маленький красивый роман с тем шейхом, который постоянно за тобой увивался. Он не был знаком с Эдвардом, не знал даже, что ты вдова, и вообще едва мог связать два слова по-английски. Тебе требуется один любовник - и твоей проблеме придет конец.

- Тогда было слишком рано, Ванесса. Если помнишь, я еще носила траур.

- Не вижу никакой связи. Надеюсь, ты не думаешь, что я выжидала год после смерти графа, прежде чем завести себе любовника? Боже упаси! Желания женщины столь же сильны, как желания мужчины.

- Не мне судить!

В ответ на чопорный тон Ванесса лишь усмехнулась.

- Да, пока не можешь. Но сможешь. Или ты опять трусишь?

- Вовсе нет, - серьезно ответила Джослин. - Но говорить - это одно, а сделать - совсем другое. Пора уже мне наконец выяснить, что к чему. Теоретические знания меня больше не устраивают. Но я не могу пойти на это с первым попавшимся мужчиной!

- Ну конечно, нет! Для первого раза недостаточно обычной симпатии. Это должен быть кто-то сногшибательный.

- Я искала, - оправдываясь, буркнула Джослин.

- Знаю, дорогая. Совершенно очевидно, что смуглые черноволосые мексиканцы не в твоём вкусе. Ах, если бы ты смогла принять решение раньше, еще до встречи с Чарльзом, которого ты серьезно рассматривала как кандидата в мужа...

- Да откуда мне было знать, что я захочу снова замуж?

– Я тебя предупреждала, что так оно всегда бывает. Никто не знает, когда влюбится.

– Но я действительно думала, что больше не выйду замуж. Ведь тогда мне придется расстаться с той свободой, которую я уже начала ценить.

– С настоящим мужчиной это не имеет значения.

Во время длинного морского путешествия из Нью-Йорка в Мексику они пришли к заключению, что теперь, когда перспектива замужества стала возможной, Джослин необходимо расстаться с невинностью. Только таким образом она сможет защитить имя Эдварда от грязных сплетен. Да и в конце концов вдова не может быть девственницей. А Джослин в свои двадцать два года оставалась именно вдовой-девственницей, и гордиться тут было решительно нечем, особенно если учесть, что никто не думает о ней, как о невинной девушке.

В конечном итоге девственность стала тяжелым бременем, и, как говорила Ванесса, от нее давно следовало избавиться. Выбор средств Джослин был ограничен. Первый вариант – прибегнуть к помощи врача. Но при одной лишь мысли о холодных инструментах, разрезающих тонкую мембрану у нее внутри, Джослин передергивало от отвращения. Значит, осталось только одно – завести любовника. Причем из тех, кто не принадлежит к ее социальной среде и никогда ничего не слышал об Эдварде. Ну и конечно, желательно полностью исключить вероятность того, что ей захочется увидеться с ним еще раз. Вернется ли она потом в Нью-Йорк к Чарльзу Абингтону III или повстречается с другим, равным ей по положению и состоятельным мужчиной, в любом случае тогда она сможет выйти замуж совершенно спокойно. Тайна Эдварда останется нераскрытой.

Джослин была готова к этому с того дня, как они сошли на берег в Мексике. И Ванесса не права. Некоторые мексиканцы очень даже понравились ей. Но, к сожалению, интерес не был взаимным. Или же она оказалась слишком неопытной, чтобы распознать признаки заинтересованности. Искусство флирта ей совсем неведомо. При таком положении вещей отнюдь не просто найти любовника. Помимо собственной неопытности, приходится учитывать и наличие мистера Джона Длинноноса, из-за которого нигде невозможно задержаться достаточно долго, чтобы довести знакомство с потенциальным претендентом до той минуты, когда можно было бы уложить его к себе в постель. Хочется верить, что недостатка в поклонниках она не ощутит. Так уже было на Ближнем Востоке и восточном побережье Америки. В некоторых странах мужчины более

решительны и весьма настойчивы в достижении своих желаний. Сейчас ей очень пригодится это их упорство, которое прежде она считала крайне бесцеремонным и нахальным.

Вспомнив о гончей, все еще шедшей по их следу, Джослин сказала:

– Я вовсе не размышляла о Чарльзе. Честно говоря, я вообще довольно давно о нем не думаю. Может, я далеко не так влюблена в него, как мне казалось?

– Дорогая, вы с ним были недостаточно долго знакомы. Говорят, бывает любовь с первого взгляда, но лично со мной такого не случилось. Как правило, любовь созревает медленно. Мы провели в Нью-Йорке несколько месяцев, но этого человека ты встретила лишь за три недели до нашего вынужденного отъезда. Полагаю, сам факт твоего интереса к этому мужчине – хороший признак, принимая во внимание, что все эти годы ты мужчин игнорировала вообще. А теперь... почему наш настойчивый приятель Длиннонос так тебя беспокоит? Ты же не думаешь, что он сможет слишком быстро обнаружить нас? После того, как мы столько времени петляли по Мексике?

Джослин улыбнулась уверенности Ванессы в том, что ее могут волновать только две проблемы.

– Нет, конечно! Откуда ему знать, что мы поплыли на юг? С таким же успехом мы могли отправиться в Европу.

– Но нам неизвестно и то, каким образом он сумел разыскать нас в Нью-Йорке. А он нас нашел. Я начинаю задумываться, нет ли у него осведомителя среди наших людей.

Зеленые глаза Джослин тревожно расширились. Если она не сможет доверять людям, от которых зависит, то у нее действительно серьезные неприятности.

– Нет! Я этому не верю!

– Я не имела в виду кого-то из окружения, дорогая. Но ты же знаешь, что состав команды на «Джосел» постоянно меняется. Буквально в каждом порту капитан недосчитывается нескольких человек и вынужден брать замену. По пути из

Нового Орлеана в Нью-Йорк пришлось нанять шестерых новых матросов и еще шестерых, когда мы поплыли в Мексику. А телеграф существует уже во многих странах. Так что если у Длинноноса есть осведомитель, он довольно скоро узнает о нашем местопребывании.

К собственному удивлению, подобное заявление вызвало у Джослин скорее гнев, чем страх. Черт бы побрал этого Длинноноса! Она беспокоилась, что он сможет найти в Калифорнии их корабль прежде, чем они туда доберутся. А теперь, похоже, ему известно, где они находятся сейчас или по крайней мере куда направляются. Единственное их преимущество – в распоряжении Длинноноса нет корабля.

– Что ж, так или иначе нужно решать проблему. Теперь, во всяком случае, ясно, куда мы едем, – сдавленно сообщила Джослин. – И это отнюдь не Калифорния.

– Я всего лишь высказала предположение, дорогая, – изогнула бровь Ванесса.

– Знаю. Но если оно справедливо, можно понять, как ему удастся с такой легкостью находить нас. Даже если мы передвигаемся по суше, чтобы избавиться от него. Клянусь тебе, Ванесса, моему терпению приходит конец. Было достаточно паршиво, когда Длиннонос пытался лишь похитить меня, чтобы вернуть в Англию. Но с тех пор как мне исполнился двадцать один год, он уже дважды пытался меня прикончить. Может, настало время принять вызов?

– Боюсь даже спрашивать, что ты под этим подразумеваешь!

– Понятия не имею, но что-нибудь наверняка придумаю, – заверила Джослин подругу.

Глава 4

– Чегой-то мне не нравится затея убить бабу, Девейн.

– Какая тебе разница? Ты что, себе ее хочешь, Клайделл? Опять же, она чужачка, как и этот хмырь. Глянь-ка на него: спокойный и терпеливый, чисто

змея. Одет не как мы, ведет себя по-другому, говорит не так. И заявил, что она тоже англичанка. Так что тебе за дело?

Клайделл бегло взглянул на иностранца. Высокий, худощавый, разряжен в модные восточные – или английские? – шмотки, лет на десять как минимум старше каждого из них. Он казался здесь столь же неуместным, как бородавка на носу. Весь такой аккуратный и вылизанный, будто и не ночевал с ними со всеми на горе. Интересно, как ему это удается?

– И все же... – начал было снова Клайделл, но, увидев сузившиеся глаза брата, замолк на полуслове.

– Слушай, он вытащил нас из задрипанной Мексики, когда мы уже отчаялись выбраться оттуда, так? И должен тебе сказать, я счастлив оказаться снова здесь, где нормальный мужик может плюнуть или поссать, не боясь оскорбить чьи-то чувства. Мы его должники, Клайделл, нравится тебе это или нет. И ты же видишь, что парни вовсе не хлюпают носами по поводу работы. Дело есть дело, черт тебя побери!

Младший брат давно усвоил: если Девейн начинает вещать и учить жизни, лучше немедленно заткнуться. Целее будешь. Давить на старшенького можно лишь до определенной степени, когда хочешь получить объяснение, где и какая предстоит работенка. Грабить дилижансы было весьма неплохо, как и угонять скот. А уж ставить на уши какой-нибудь занюханый городок, устраивая там парочку хороших потасовок, – и совсем здорово. Правда, Клайделл немного возражал против того ограбления банка, но в конечном счете согласился. Им тогда на хвост села погоня, от которой они едва ушли...

Их гнали до границы, и братья смылись в Мексику, где почувствовали себя в безопасности. Так оно и было, пока шайка вшивых бандитов с гор не обчистила их до нитки. Спасибо, хоть живы остались! Англичанин был для них Божьим посланцем, потому что братья прочно сидели на мели и вкалывали за хлеб и кров в какой-то задрипанной забегаловке, где даже языка-то не понимали. Они торчали там несколько месяцев, и Клайделлу временами казалось, что здесь он и подохнет.

В принципе ему грех жаловаться и не с руки задумываться над предложенным делом. Девейн прав, как всегда. Четверо парней, которых они подобрали в

Бисби – с двумя из них братья знакомы еще с Нью-Мексико, вместе скот воровали, – и глазом не моргнули, услышав, что им предстоит сделать. Клайделл – единственный, кто считает, что убивать женщину неправильно. А уж то, каким образом решено ее убить, и вовсе вызывало у него тошноту. Конечно, все может произойти совсем не так, и слава богу, он не в числе тех двоих, кому предстоит захватить ее, если, конечно, она уцелеет под обвалом. Клайделл считал: раз уж кого-то необходимо убить, лучше всадить в него пулю. Но он входил в четверку, которая должна была спровоцировать обвал. Именно поэтому он мысленно застонал, когда появился мексиканец, оставленный на вершине наблюдать за дорогой, и сообщил, что ждать осталось недолго.

Эллиот Стили откинул крышку карманных часов. Почти полдень. Опаздывает герцогиня. Как всегда. До сих пор она умудрялась расстраивать его тщательно разработанные планы. И почему он сейчас так уверен, что все получится? Непонятно. К счастью, точное время значения не имеет. Сюда ведет только одна дорога, и герцогиня неотвратно движется по ней. Ей некуда ехать, кроме как вперед, прямо в уготовленную им западню.

Впрочем, он уже столько раз говорил себе это! А девица по-прежнему спокойненько продолжает свою увеселительную поездку. Девчонку просто Господь хранит! Как еще можно объяснить, что она все время ухитряется ускользнуть от него?

Эллиот был специалистом своего дела, по крайней мере считал себя таковым, пока его не нанял герцог Итонский. За долгие годы Стили сколотил небольшое состояние, выполняя различные более или менее грязные поручения английской знати. И до сих пор он справлялся со своей работой хорошо. А задание Мориса Флеминга было таким простым! Найти девицу и притащить в Англию, где герцог наложил бы лапу и на нее, и на ее состояние, только и всего.

У Эллиота были связи в других странах среди людей, работавших на том же поприще. Он прекрасно знал, где и как нанять нужных исполнителей, которые бы не запрашивали много и не задавали лишних вопросов. На все про все должно было уйти не больше пары-тройки месяцев, поскольку требовалось лишь выяснить, в каком следующем порту причалит «Джосел». И тем не менее за два года, в течение которых герцог покрывал расходы, людям Стили удалось захватить девчонку лишь однажды.

Это приводило Эллиота в бешенство! Ее было так просто отыскать, куда бы она ни ехала! Если не корабль, то великолепный караван карет и фургонов в сопровождении верхового эскорта безошибочно выводил Стили на след. Такая компания нигде не могла остаться незамеченной. А девушка ни разу не попыталась что-то изменить, например, распустить караван или продолжать путешествие без него. Да одна ее карета чего стоила! Дорогая, большая и удобная, ярко-голубого цвета, запряженная шестеркой великолепных одномастных серых кобыл. С таким же успехом барышня могла прилепить на дверцу герб с герцогской короной, рассчитывая при этом остаться незамеченной.

И все же, каждый раз с легкостью отыскивая ее, выполнить свою задачу Стили так и не смог. По правде говоря, ее маленькая армия слуг и охранников сильно осложняла дело. А герцогиня никогда далеко не отрывалась от охраны. В тот единственный раз, когда наемники Стили сумели выкрасть ее, люди герцогини отыскивали ее в тот же день. Он потерял тогда четверых, а из слуг девчонки никто даже не был ранен.

Но тем дням пришел конец. Девица стала совершеннолетней, и Флеминг утратил надежду на то, что, манипулируя судом, сумеет подчинить ее себе. Она перестала его интересовать, и он отказался от услуг Эллиота, который за все свои труды, волнения и разочарования не получил фактически ни гроша. Два года пошли псу под хвост. Но Стили не был человеком, легко смиряющимся с поражением. Ни в коей мере!

Теперь он преследовал две цели. Он убьет эту рыжую суку ради удовольствия! Ей придется заплатить таким образом за все его разочарования последних лет и сомнения в собственной компетенции, за испорченную репутацию. А когда герцог узнает, что дело в шляпе – девчонка не оставила завещания, и Флеминг может легко завладеть ее деньгами как единственный ближайший родственник, – вот тогда-то Эллиот будет наконец полностью удовлетворен и получит свое вознаграждение.

Наплевать, сколько на это уйдет времени и его собственных денег. Дело все равно будет сделано. А убить ее значительно проще, чем украсть. Это можно сделать издалека. И самыми разными способами. То, что он уже дважды пытался и дважды у него ничего не вышло, лишний раз доказывает чертовское везение девчонки.

Даже страны, по которым она колесила, в большинстве своем были для нее неблагоприятны. Мексика, например, идеально подходила для его целей: огромная и малонаселенная, за исключением городов. Мили и мили бездорожья и дикости, где даже о массовой резне не узнали бы долгое время. А герцогиня беспечно разбивала лагерь посреди пустыни! Прекрасная возможность для нападения. Требовалось лишь нанять необходимое количество людей, чтобы справиться с ее охраной. И ведь дешево нанять сколько угодно народу можно было запросто, но только для какой-нибудь другой цели. Отыскать мексиканца, который согласился бы убить женщину, оказалось практически невозможно. Он неоднократно пытался и каждый раз нарывался на отказ. Она снова выиграла! Причем не ударив палец о палец, лишь благодаря психологии мексиканских мужчин.

Тогда Эллиот нашел Девейна и Клайделла Оуэнов, опустившихся американцев. Опытным глазом он сразу определил, что братья готовы на все ради денег. Он отправил их на север, через границу, с четырьмя такими же мерзавцами, чтобы они отыскивали подходящее для засады место. Встретиться договорились в шахтерском городке Бисби, до которого Стили наконец вчера добрался. Остаток дня он посвятил езде взад-вперед по узкой козьей тропе в поисках места для осуществления своего плана.

Место, которое он выбрал, не полностью соответствовало требованиям: практически на выходе с гор, где тропа пересекала склон, который, достигая долины, сходил на нет. Здесь, чуть ниже тропы, росли деревья. Не очень много, но вполне достаточно, чтобы остановить падение кареты, если каменная глыба не раздавит ее, а лишь сбросит вниз. Хотя вряд ли. Учитывая ширину тропы и крутизну склона, осколок скалы должен упасть на дорогу и там остаться.

Будь у него время, он заставил бы перетащить эту чертову глыбу на более удобное место. Туда, где она застряла бы между склонами и наглухо закупорила дорогу и для фургонов, и для всадников. В этом случае он сперва позволил бы карете герцогини проехать, чтобы доставить себе удовольствие собственноручно перерезать ей глотку. Но в данной ситуации, если глыба поведет себя незапланированно и приземлится на головную повозку, она все равно перекроет путь остальному каравану, а его люди еще и задержат их огнем. Поскольку герцогиня окажется по другую сторону, те двое парней тихо проскользнут и разберутся с девчонкой без проблем.

Послышался топот медленно приближающихся лошадей.

- Сколько всадников скачет впереди? - спросил Эллиот мексиканца.

- Шесть, сеньор.

Эллиот кивнул. Он так и знал, что ее охрана не изменила своим привычкам лишь потому, что дорога узка. Как всегда, шестеро скачут впереди кареты, а шестеро - сзади. На тропе как раз достаточно места, чтобы головные всадники смогли развернуться и обогнуть карету, когда мексиканец откроет пальбу, привлекая их внимание к хвосту каравана. Но если они не захотят проверять, в чем дело, тут уж ничего не поделаешь. Весьма сомнительно, что удастся отстрелить всех шестерых прежде, чем они найдут укрытие. И если карета не угодит под глыбу, охранников все равно останется слишком много.

- Возвращайся на свое место, - приказал Эллиот мексиканцу, - и жди сигнала!

Девейн проводил мексиканца взглядом и буркнул:

- Вы ведь не сказали ему, что она должна умереть, не так ли?

Эллиот холодно посмотрел на старшего из братьев Оуэнов. Он никогда не объяснял исполнителям своих действий и отнюдь не собирался делать этого сейчас. У него был печальный опыт общения с мексиканцами по данному вопросу. Он не хотел теперь потерять и этого, специально нанятого, чтобы увести герцогиню от основных путей, вынудив ее таким образом следовать единственно возможным маршрутом.

- Совершенно верно, - только и сказал он.

Эти люди относились к нему с подозрением, как и должно было быть. Они держались соотвѣстно, тогда как он стоял в стороне. Эллиот вел бы себя так и в том случае, если бы исполнители не столь сильно отличались от него. Когда нанимаешь хладнокровных и беспощадных людей, таких же, как ты сам, необходимо сохранять дистанцию, чтобы не возникло вопроса, кто главный.

Эллиот обернулся и поглядел вслед мексиканцу, быстро карабкавшемуся вверх по откосу к своему посту. Место действительно превосходное. Два уступа, верхний из которых не виден. Идеальное место для засады. По обратной стороне

склона вилась тропинка как раз туда, где они спрятали лошадей. А те, что едут внизу, никак не смогут их преследовать, даже если захотят, потому что тропы не пересекаются. Правда, дорожка, которая спускалась по другой стороне, на западе доходила до подножия горы, но она была слишком крутой для лошадей.

Скоро, очень скоро он вернется к нормальной жизни. На сей раз все пройдет как надо! Обязательно. Должно же и ему повезти в конце концов!

Эллиот занял свой пост, откуда прекрасно просматривалась дорога. Он уже видел первого всадника – сэра Паркера Грэма, капитана охраны, скакавшего, как всегда, впереди. Всех, сопровождающих герцогиню, Стили знал по именам, знал даже некоторые факты их биографий. Он разговаривал с ними, покупал им выпивку, а в Египте чуть было не соблазнил глупышку горничную, француженку Бабетту. Это было просто, поскольку ни один из них понятия не имел, кто он такой. Стили никогда не подходил к ним, если они держались группой, и никогда не приближался к одному и тому же человеку в другом городе или стране. Так что никто из свиты герцогини и не подозревал, с кем им довелось свести знакомство.

– Советую приготовиться, джентльмены, – спокойно сказал Эллиот стоявшим позади него парням.

Он лежал слева от большого валуна и не собирался покидать это место, желая собственными глазами увидеть, как будет разворачиваться действие. Огромная глыба громоздилась прямо на краю утеса. Нужно лишь столкнуть ее вниз.

Четверо мужчин, готовые столкнуть камень, уперлись в него руками. Эллиот ждал, когда проедет шестерка охранников и головная пара запряженных в карету лошадей окажется прямо под ним. Девейн устроился рядом, держа по пистолету в каждой руке. Один он, впрочем, тут же положил на землю, решив воспользоваться им потом. Еще один парень достал зеркало, чтобы подать сигнал мексиканцу.

– Кучера нужно убрать прежде, чем он остановит карету, – сказал Эллиот и решил для разнообразия пояснить: – Он остановится, как только шестерка передних охранников поскачет назад, услышав там стрельбу. Но независимо от того, будут еще охранники возле кареты или нет, кучер не должен успеть поставить тормоз. А без него лошади понесут карету вперед сами.

– Нет проблем, – ухмыльнулся Девейн, разглядывая сидящего на козлах гиганта. – В него трудно не попасть.

Эллиот увидел, что правит сегодня один из грумов. Жаль, что не испанец! Тот парень чертовски ловко управляется с ножом и прирезал в Нью-Йорке одного из людей Эллиота, пытавшегося взобраться на карету.

Охранники проскакали мимо. Еще чуть-чуть – и...

– Подавай сигнал, – бросил через плечо Эллиот.

Затаив дыхание, он напряженно ждал. Проехала первая пара лошадей, почти проехала вторая. Ад и все дьяволы! Если этот чертов мексиканец...

Они услышали выстрел. Охранники внизу тоже. Все шестеро развернулись, но Грэм отправил назад только двоих. Караван остановился. Раздались крики. Люди хотели знать, что произошло. Кучер первой кареты встал, чтобы оглядеться.

Под глыбой проходила уже третья пара серых лошадей.

Раздались еще два выстрела. Четверо оставшихся всадников начали объезжать карету, двигаясь вдоль склона, – они могли проехать только там. Грэм приостановился, видимо, чтобы успокоить герцогиню. Наблюдая за ним, Эллиот не заметил, как кучер потянулся к тормозу, но Девейн разглядел. Раздавшийся рядом выстрел заставил Эллиота подскочить, что, впрочем, не помешало ему увидеть, как кучер выронил вожжи и свалился вниз. Он рухнул прямо позади Грэма, конь которого, испугавшись, встал на дыбы. Но еще больше падение кучера напугало среднюю пару лошадей. Они попятились, наседавая на задних, затем рванули вперед, наседавая на передних. Те заметались, и в следующий момент вся шестерка понесла.

– Давай! – заорал Эллиот и тут же выругался, увидев, как огромная глыба рухнула на нижний уступ и раскололась на части, осыпая пылью проносящуюся мимо карету.

Взревев от ярости, он вскочил на ноги и в результате чуть не получил пулю. Охранники герцогини открыли наконец ответный огонь.

Двое парней, которые должны были спуститься с нижнего уступа и захватить карету, если в нее не попадет камень, стояли, ожидая дальнейших указаний.

– Хватайте лошадей и скачите туда, где заканчивается тропа, – приказал англичанин. – С ее везением ей запросто удастся домчаться донизу и не перевернуться. Мчитесь за ней, остановите, если понадобится, и позаботьтесь, чтобы в карете никто не остался в живых. Никто, слышите!

Глава 5

– Ванесса? Ванесса, ты в порядке?

– Спроси меня об этом чуть позже. Пока что ничего не могу тебе сказать.

Джослин лежала на полу, точнее, на дверце кареты. После жуткой скачки, которая, казалось, никогда не кончится, карета наконец перевернулась. Джослин упала на дверцу и теперь лежала на ней спиной, вытянув ноги на полу, что в нынешней ситуации означало, что они у нее задраны вверх. Ванесса пострадала не меньше, с той лишь разницей, что ухитрилась держаться на сиденье, которое теперь оказалось прижатым к боку кареты, как раз у Джослин над головой.

Обе почти одновременно сели – Ванесса со стоном, Джослин с ворчанием.

– Похоже, после нынешнего развлечения мы сможем показывать окружающим пару-тройку великолепных синяков.

– И все? – спросила Ванесса совершенно не своим голосом. – А такое ощущение, что...

– Ты таки поранилась! – обвиняющим тоном заявила Джослин, увидев, как графиня держится за голову.

– Думаю, всего лишь шишка. Я пыталась удержаться, но рука соскользнула.

- Повернись и прислонись спиной к сиденью. Оно мягче, чем стенка.

Джослин помогла графине устроиться поудобнее, затем поднялась на колени. Обе они походили на чучела: одежда разорвана, волосы торчат в разные стороны. Джослин извлекла чудом сохранившиеся на голове шпильки и отбросила волосы назад. Можно было посмеяться над приключением, которое закончилось вполне удачно, если бы Ванесса болезненно не морщилась от шишки на виске.

- Как ты думаешь, Вана, что произошло?

- Полагаю, Джон Длиннонос опять повторил один из своих старых трюков, только и всего.

- Правда? - Джослин озабоченно прикусила нижнюю губу, обдумывая такую возможность. - Но как он сумел опередить нас? И вообще, каким образом он мог узнать, где и когда мы поедем?

- Мы не очень торопились пересечь Мексику, моя дорогая, - не открывая глаз, заметила Ванесса. - У него было предостаточно времени, чтобы опередить нас. А насчет того, откуда он мог знать наш маршрут, скажу тебе одно: я не раз задавалась вопросом, почему так внезапно исчез наш проводник. Очень вовремя исчез, правда? Как только довел нас до горной тропы.

- Маленький предатель!

- Скорее всего, дорогуша, он получил деньги от Длинноноса еще до того, как нанялся к нам. Если помнишь, он сам к нам обратился, а не мы его нашли. К тому же голос англичанина я узнаю где угодно. А это «давай!» прозвучало с истинно британским акцентом. Кстати, что это был за грохот?

- Понятия не имею. Гораздо уместнее поинтересоваться, куда подевался наш кучер?

Ванесса вздохнула.

– Сомневаюсь, что он принимал участие в этой сумасшедшей гонке. Иначе мы бы услышали его голос. Он наверняка орал бы на лошадей, пытаясь их остановить. А тот выстрел прозвучал так близко...

– И думать так не смей! – резко оборвала ее Джослин. – Если мы его потеряли, это означает, что он всего лишь вылетел с облучка. Такое ведь и с нами случилось неоднократно.

– Безусловно, – согласилась Ванесса, не желая спорить. Они и так скоро узнают, что произошло на самом деле. – Но, по-моему, мы потеряли и лошадей.

Джослин тоже ощутила какое-то странное движение кареты перед тем, как та опрокинулась, поэтому не стала возражать.

– Их найдут, – уверенно заявила она. – И нас тоже. Причем скоро. А пока...

Ванесса приоткрыла один глаз и увидела, что герцогиня поднялась на ноги.

– Что это ты делаешь?

Стоя на дверце, Джослин обнаружила, что не достает головой до противоположной.

– Я собиралась посмотреть, как нам отсюда лучше выбраться, но даже не могу открыть дверь.

– Не стоит и пытаться, Джослин. Скоро наши люди отыщут нас. – Ванесса замолчала, и до слуха женщин донесся приближающийся галоп. – Вот видишь? Это они!

Притихнув и замерев, они услышали, как всадник резко остановился. Наверное, один из охранников опередил других. Скорее всего сам сэр Паркер Грэм. Он всегда отличался добросовестностью, к тому же был равнодушен к Джослин и каждый раз после очередной эскапады Длинноноса огорчался больше других.

Через несколько мгновений карета заскрипела, когда их спаситель взобрался на нее. Затем дверца резко распахнулась. Внутри кареты сквозь окно и прежде

проникало солнце, но яркий свет, ворвавшийся через открытую дверь, ослеплял. Джослин сумела разглядеть лишь мужской силуэт, но не могла определить, кто это.

- Паркер?

- Нет, мэ, - прозвучал низкий протяжный голос.

Произнеси он еще хоть слово, Джослин не полезла бы разыскивать ридикюль, в котором лежал маленький дерринджер, купленный в Новом Орлеане. Впрочем, за время его поисков среди шляпок и накидок, снятых еще утром, ее успели бы трижды пристрелить.

- Так вы собираетесь оттуда вылезать или нет? - раздался сверху нетерпеливый голос.

- Не уверена, - честно сообщила Джослин, снова поглядев вверх и жалея, что не может как следует разглядеть незнакомца.

Как спросить человека, не пришел ли он, чтобы убить тебя? Но зачем ему тогда предлагать им вылезти, если он собирается их пристрелить? Он вполне может это сделать и так. Хотя он опять же мог получить приказ от Длинноноса доставить их живьем. Вряд ли стоит надеяться, что он оказался здесь случайно.

- Нам бы очень помогло, сэ, - после продолжительного молчания произнесла Ванесса, - если бы вы сообразовали сообщить нам, кто вы такой и как здесь оказались.

- Я увидел, как ваши лошади несутся к реке, и решил, что они оторвались от дилижанса. Хотя никогда прежде не подозревал, что таких лошадей запрягают в дилижанс.

- И вы просто захотели проверить? Вы не связаны с... с каким-нибудь англичанином?

- Я вообще ни с кем не связан, выражаясь вашим языком, леди. Дьявол, к чему все эти вопросы? Либо вы хотите отсюда вылезти, либо нет. Я понимаю, вы,

возможно, боитесь замарать руки, коснувшись меня, когда я потащу вас наверх, – здесь в его голосе явно прозвучала горечь. – Но я не вижу другого выхода. Разве что вы желаете подождать, пока кто-нибудь еще проедет мимо.

– Вовсе нет, – облегченно улыбнулась Джослин, убедившись, что со стороны незнакомца им ничто не грозит. – А грязь легко смыть, – лукаво добавила она, истолковав его слова буквально.

Своим ответом она удивила его, настолько сильно, что он даже не сразу ухватил ее за руки, доверчиво протянутые ему навстречу. И тут до него дошло: она ведь его толком не видит! А едва рассмотрит, тон ее быстро изменится. Ему еще повезет, если он услышит хотя бы «спасибо»!

Джослин ойкнула, когда ее схватили за руки и быстро подняли. Не успев моргнуть глазом, она обнаружила, что сидит наверху, свесив ноги через дверцу вниз. Радостно рассмеявшись тому, как быстро все произошло, она взглянула на Ванессу, которая даже не пошевелилась.

– Ты идешь, Вана? Это правда очень легко.

– Я останусь здесь, если не возражаешь, дорогая. Подожду, пока карету не поставят как следует. Если, конечно, это можно сделать медленно и плавно. Надеюсь, к тому моменту головная боль пройдет.

– Хорошо, – согласилась Джослин. – Хотя вряд ли сэру Паркеру потребуется много времени, чтобы отыскать нас. – Она огляделась, но ее спаситель стоял прямо у нее за спиной. Джослин повернулась к нему и начала подниматься со словами: – Ее не нужно вытаскивать. Видите ли, она чувствует себя... не совсем...

Она замолчала, напрочь забыв, что хотела сказать. В жизни она не была так поражена, разве что когда впервые увидела египетские пирамиды. Но нынешнее ощущение было иным, оно задевало не зрение, а чувства. Все в ней взволновалось, организм посылал непонятные сигналы: дыхание перехватило, сердце застучало как бешеное, количество адреналина в крови подпрыгнуло явно намного выше нормы. Короче, все признаки страха, хотя она вовсе не была испугана.

Незнакомец отступил назад. Она не поняла, почему он так сделал, но это давало возможность получше рассмотреть его. Очень высокий и потрясающе красивый – было ее первое впечатление. Сильный – это она уже успела почувствовать, – смуглый и необычный. Именно в таком порядке. Черные как смоль волосы, абсолютно прямые, ниспадали на невероятно широкие плечи. Кожа цвета светлой бронзы, резкие черты лица, классический прямой нос, глубоко посаженные глаза под соболиными бровями, красиво и четко очерченные губы и волевой подбородок.

Крепкое ладное тело втиснуто в странную кожаную куртку с длинной бахромой. На ногах – высокие, до колен, сапоги без каблуков, сделанные из такой же мягкой кожи, что и куртка. И тоже с бахромой. К висящим на боку пистолетам Джослин успела привыкнуть еще в Мексике, так что не удивилась, увидев кобуру на бедре незнакомца. Широкополая шляпа почти закрывала глаза, поэтому определить их цвет ей не удалось. Она поняла лишь, что они гораздо светлее, чем можно было предположить.

Темно-синие брюки туго обтягивали длинные стройные ноги. Однако на нем не было рубашки. Куртка запахивалась почти вплотную, но рубашки под ней не было. Лишь бронзовая кожа, такая же, как на лице. Гладкая и безволосая. Да, на видимой Джослин части груди и живота волос не было вообще. Весьма необычная вещь, насколько она понимала. Хотя, конечно, что она знает об американцах? И вообще о том, как должна выглядеть мужская грудь?

Да, положив руку на сердце, никогда еще ей не доводилось видеть такого человека. Его необычная внешность нервировала и тревожила девушку, но все-таки не так сильно, как его сногшибательная красота.

– А... вы всегда ходите полуодетым?

– И это все, что вы можете мне сказать, мэм?

Джослин почувствовала, как щеки заливают краской.

– О Господи, не сердитесь, пожалуйста! Сама не понимаю, как я... Я не всегда так прямолинейна.

Изнутри кареты донеслось громкое и отчетливое «ха!», и Джослин улыбнулась.

– Похоже, графиня со мной не согласна. И справедливо. Полагаю, моя прямота частенько граничит с грубостью.

– Не задавайте дурацких вопросов! – пробормотал себе под нос мужчина. Он развернулся и спрыгнул на землю.

Нахмурившись, Джослин смотрела, как незнакомец направляется к своему коню. Великолепное мощное животное необычного окраса – черно-белая крапинка по бокам и бабкам. Никогда прежде Джослин такого не видела. Она бы не возражала посмотреть лошадь поближе, проехать на ней. Но в настоящий момент ее волновало другое.

– Вы что, хотите уехать?

Он даже не оглянулся.

– Вы сказали, что скоро вас найдут, так что мне незачем...

– Но вы не можете уехать! – взволнованно закричала она, не совсем понимая причину своего волнения. – Я еще не успела вас как следует поблагодарить, и... и как я отсюда слезу, если вы мне не поможете?

– Черт! – услышала она и почувствовала, что щеки снова вспыхнули.

Незнакомец вернулся.

– Ладно, прыгайте.

Джослин, не раздумывая, прыгнула ему в объятия. Она уже убедилась в его недюжинной силе. У нее и мысли не возникло, что он не удержит ее. И он действительно ее поймал, но, к ее легкому огорчению, быстро поставил на ноги и снова отвернулся.

– Нет, подождите.

Она протянула руку, но он не остановился и даже не обернулся. Тогда, приподняв юбки, она поспешила за ним.

- Вы что, действительно так торопитесь?

Внезапно и резко незнакомец остановился, и Джослин с разбегу прижалась грудью к его спине. Пробормотав ругательство, он медленно повернулся и посмотрел на нее.

- Послушайте, леди, когда все это произошло, я оставил свой багаж и рубашку у реки. Я собирался искупаться, прежде чем ехать в город. А в этих краях нельзя оставлять вещи без присмотра, иначе рискуешь не найти их, когда вернешься.

- Я возьму вам все убытки, но, пожалуйста, останьтесь с нами! Поскольку мои люди еще не приехали, скорее всего они застряли в горах. Нам действительно нужна...

- Вы оставили такой след, который каждый может найти.

- Да, но мы потерялись, когда на нас напали. То есть на меня. Это мне хотят причинить вред. И они тоже могут прийти сюда, не только мои люди.

- Ваши люди?

- Моя свита. - Незнакомец продолжал недоуменно хмуриться, и она пояснила: - Моя охрана и слуги, с которыми я путешествую.

Он скользнул глазами по ее фигуре, отмечая бархатную юбку и шелковую блузку - одежду, которая встречалась ему только на восточном побережье. Потом перевел взгляд на голубую карету. Впервые ее увидев, он сам себе не поверил. Даже частные железнодорожные вагоны не так роскошны!

При первом взгляде на опрокинутый экипаж он и не предполагал найти в нем женщин. Особенно таких, одна из которых - графиня. Кажется, это дворянский титул или вроде того. В любом случае что-то иностранное. А эта, с огненными волосами и глазами - о Боже! - цвета сверкающей на солнце молодой весенней листвы? Кто она такая? При виде ее в нем всколыхнулась вся прежняя горечь.

Что, впрочем, не помешало нахлынуть волне желания. Он перепугался до смерти, потому что женщины, подобные ей, не привлекали его уже многие годы.

- Да кто вы такая, леди?

- О, простите, пожалуйста, я должна была представиться. Меня зовут Джослин Флеминг, - сообщила девушка, уверенная, что в данном случае нет необходимости называться фальшивым именем. Все равно Длиннонос совсем рядом.

Он уставился на протянутую руку и смотрел до тех пор, пока Джослин не опустила ее.

- Может, мне следовало спросить, какое вы занимаете положение?

- Прошу прощения?

- Вы - жена богатого золотодобытчика из Томбстоуна?

- О нет, вовсе нет! Я овдовела несколько лет назад. А сейчас мы едем из Мексики, хотя началось наше путешествие в Англии.

- Так вы англичанка?

- Да. - Она улыбнулась его акценту, тому, как он глотает слова, что, впрочем, не мешало ей легко понимать его. Пожалуй, ей даже нравилась его манера речи. - Смею предположить, что вы американец.

Слово было ему знакомо, но он ни разу не слышал, чтобы его кто-то произносил. Обычно, говоря о своем происхождении, люди называли штат или территорию, откуда они родом, а не страну. И он наконец распознал ее акцент. Конечно, ему никогда прежде не доводилось слышать такой правильной и культурной речи, но он встречал на Западе англичан. Именно потому что она англичанка, она, не задумываясь, и протягивает ему руку. Слишком мало времени провела на Западе, чтобы распознать, кто он такой. Выходит, причина, по которой она уставилась на него во все глаза, возникнув из недр кареты, вовсе не та, что он думал. У него снова напряглось в паху.

Мгновение он молча размышлял, стоит ли объяснять ей. Скорее всего они никогда больше не встретятся, так нужно ли соблюдать дистанцию, как он привык делать все эти годы? Нет, ему необходима дистанция! Такие женщины, как она, не для него, и эта ее чертова притягательность опасна. Но он не привык говорить о себе! Достаточно того, как он одевается и выглядит – тут уж никаких пояснений не требуется. И так все ясно.

– Я родился в этой стране, но люди обычно называют меня иначе. Я метис. Полукровка.

– Как интересно! – спокойно заметила Джослин. Она снова отчетливо уловила горький оттенок в его интонации, но решила не обращать внимания. – Это слово мне знакомо в связи с разведением лошадей. Но какое отношение оно имеет к людям?

Он поглядел на нее, как на сумасшедшую. Затем, выругавшись под нос, прорычал:

– А вы как полагаете? Это означает, что я лишь наполовину белый.

Его агрессивный тон заставил ее немного помолчать, прежде чем она задала новый вопрос:

– А другая половина?

Он вновь одарил Джослин взглядом, означавшим, что ее стоило бы поместить в сумасшедший дом ради безопасности окружающих.

– Индеец, – прошипел он. – Шайенн в моем случае. А теперь – бегите!

– Но почему?

– Боже мой, женщина! Следовало бы сперва узнать кое-что о стране, прежде чем туда направляться!

– Но я всегда именно так и делаю, – возразила Джослин. Она и бровью не повела на его крик.

– Тогда вы, должно быть, пропустили ту часть, где сказано, что индейцы и белые – заклятые враги, – сообщил он. – Поинтересуйтесь в ближайшем же городе. Там вам все уши прожужжат, объясняя, почему белой леди не следует разговаривать с таким, как я.

– Если белые, как вы их называете, вас чем-то огорчили, то какое это имеет отношение ко мне? – строптиво возразила она. – Я вовсе не являюсь вашим врагом, сэр! Боже мой, как вы можете даже говорить такое, когда я не испытываю к вам ничего, кроме глубочайшей признательности за своевременную помощь?!

Не сводя с нее глаз, он покачал головой и наконец усмехнулся.

– Сдаюсь, мэм. Когда пробудете здесь подольше, тогда поймете.

– Это означает, что отныне мы с вами друзья? – Он хмыкнул, и она добавила: – Вы еще не сказали, как вас зовут.

– Кольт Сандер.

– Кольт, как револьвер? Как странно – быть названным в честь пистолета!

– Ну, у Джесси своеобразное чувство юмора.

– Джесси – это ваш отец?

– Дочь моего отца, о чем мы с ней и не подозревали еще несколько лет назад. А прежде она была моим лучшим другом.

– Как интересно! Значит, надо понимать так, что Кольт Сандер – ваше ненастоящее имя? Я сама часто прибегала к фальшивым именам, но сейчас необходимость в этом отпала, поскольку моя Немезида вновь меня настигла.

Он ни о чем не спросит ее, умрет от любопытства, но не спросит! Чем меньше он о ней знает, тем быстрее сможет ее забыть. Если вообще сможет, Бог ты мой! Эти роскошные волосы, огненными языками ниспадающие почти до бедер! Он

еще долго будет видеть их во сне. Чертовски долго. И эти глаза. Черт побери, ну, почему она на него так смотрит? Будто ее тянет к нему так же, как и его к ней?

Джослин произнесла еще что-то, но Кольт не услышал ни слова, потому что она подошла ближе и положила ладонь ему на предплечье. Это прикосновение, совершенно невинное, заставило его сердце забиться еще сильнее. Оно наводило на мысли, которых он не осмеливался и близко допускать. Черт бы ее побрал, она играет с огнем и даже не догадывается об этом.

Пуля сорвала с Кольта шляпу, мгновенно вырвав его из оцепенения. Очарование прошло. Круто развернувшись, он дважды выстрелил. Обе пули легли в цель. Один из несшихся на них во весь опор всадников рухнул в грязь. Нога его застряла в стремени, и лошадь поволокла его за собой. Второй выронил пистолет, пуля попала ему в плечо. Он отчаянно нахлестывал коня, удирая туда, откуда появился. Кольт позволил ему уйти. Он никогда не стрелял в спину и никогда не стрелял на убой. Как правило.

Лошадь без всадника приблизилась. Самым простым способом остановить ее было сесть на нее верхом, что Кольт и сделал.

Джослин все видела, но не могла поверить своим глазам. Особенно ее поразила скорость, с какой Кольт Сандер выхватил пистолет из кобуры и выстрелил. И уж никогда прежде ей не доводилось наблюдать, как человек вспрыгивает на лошадь на полном скаку. Шансы оказаться в седле и не шлепнуться лицом в грязь были бесконечно малы, а он сделал это, лишь ухватив лошадь одной рукой за гриву.

Изумленная Джослин машинально ответила заволновавшейся Ванессе, объяснив, что все в порядке, и понеслась к лошади, остановленной в нескольких ярдах от нее. Она подоспела в тот момент, когда Кольт спешился и вытаскивал ногу мужчины из стремени. Он склонился над упавшим, и она вновь услышала одно из его колоритных ругательств. Джослин и сама видела, что у мужчины сломана шея. Пуля, выпущенная Кольтом, скользнула ему по виску, поэтому он скорее всего был без сознания, когда это произошло.

– Сукин сын сломал себе шею, – поднимаясь, с отвращением сказал Кольт.

– Вы целились в какое-то определенное место?

– В правое плечо. Самый простой способ обезоружить человека, целящегося в тебя. Вы знаете этого типа?

Он смотрел ей прямо в глаза, заставляя почувствовать всю силу его взгляда. Теперь, когда его лицо не закрывала шляпа, Джослин увидела, что глаза у него не светлые и не темные, а ярко-синие. Синева выглядела совершенно необычно на бронзовом лице. При виде этих глаз у нее буквально перехватило дыхание. Она опустила свои и некоторое время молчала, чтобы суметь ответить достаточно связно.

– Нет, я никогда его прежде не видела. И второго тоже. Но я несколько не сомневаюсь, что оба – наймиты Джона Длинноноса. У него есть манера нанимать людей из местных для своей грязной работенки. Похоже, что вы теперь еще и спасли мне жизнь.

– Леди, ни один мужчина, находясь в здравом уме, не захочет убивать вас. Я вполне могу себе представить целую кучу вещей, которые мужчина пожелал бы с вами проделать, но убийство не из их числа.

Последние слова он договорил, удаляясь от нее в поисках своей шляпы, но она хорошо расслышала сказанное и зарделась от удовольствия. Мало кто из мужчин считал ее привлекательной, учитывая ее необычную внешность, но когда таковые находились, Джослин, как правило, это хорошо чувствовала. Но Кольт к ним не принадлежит. Он орал на нее, ругался, не чаял от нее избавиться побыстрее и никогда больше не видеть. И потому ей было особенно приятно обнаружить, что, возможно – всего лишь возможно, – его влечет к ней так же, как и ее к нему. Если, конечно, последнее его замечание можно рассматривать как комплимент.

Она быстро последовала за Сандером, желая объяснить все до конца.

– Знаете, он пытается меня убить только в последний год. До того его целью было лишь увезти меня в Англию. А моей – любой ценой избежать подобной участи. Это длинная история, но суть в том, что я убегаю от него вот уже три года и, честно говоря, устала маневрировать.

Он стукнул шляпой о колено, стряхивая пыль, и водрузил ее себе на голову, надвинув на лоб.

- Меня это не касается, мэм.

- Нет, конечно же, нет. Безусловно, нет. И я вовсе не собираюсь обременять вас моими проблемами. Особенно после того, что вы и так для меня сделали.

Он одарил ее высокомерным взглядом и продолжал смотреть до тех пор, пока не иссяк поток слов, который вполне мог заменить простой кивок.

- Рад это слышать, - сухо заметил он.

- Я еще не закончила, мистер Сандер.

- Слушайте, не добавляйте вы «мистер» к моему имени. Зовите меня Кольт или Сандер, как вам больше нравится. Я отзываюсь на оба.

- Как вам угодно. Но хотелось бы еще раз подчеркнуть: меня восхищает, насколько великолепно вы владеете пистолетом, который носите.

- Великолепно владею? - ухмыльнулся он. - Леди, вы обладаете весьма элегантной манерой называть котелок черным.

- Прошу прощения?

- Не важно. И что из этого?

- Из чего? Ах да! Не могу ли я вас нанять?

- Вы хотите убить Длинноноса?

Джослин несколько обеспокоили легкость и невозмутимость, с которой он произнес эти слова, но она подавила возникшую тревогу.

– Нет, всего лишь схватить его и передать в руки правосудия. Его разыскивают за убийство моего поверенного в Нью-Йорке.

– Вашего кого?

– Моего американского адвоката.

– А зачем ему понадобилось убивать вашего адвоката?

– Мы смогли выяснить лишь, что бедняга обнаружил его в своей конторе, куда он проник, чтобы выкрасть завещание, которое я как раз в тот день составила. Это единственная вещь, которая, по словам партнера моего адвоката, исчезла. И имеются свидетели, у кого он спрашивал дорогу в адвокатскую контору. Все они клянутся, что с ними говорил англичанин. К тому же это не первое мое завещание, которое исчезает.

– Похоже, вам нужен охотник за головами, мэм, но я не из их числа. Пожалуй, лучше всего сообщить о происшедшем шерифу в Томбстоуне, когда доставите туда тело. Все, что от вас потребуется, это назвать имя того парня и дать его приметы.

– Но мне неизвестно ни его имя, ни как он выглядит. – Увидев, что он нахмурился, Джослин быстро добавила: – Это мы его так прозвали – Джон Длиннонос. Я знаю о нем только одно – что он англичанин.

– Ну вряд ли здесь на сотни миль вокруг найдутся еще англичане, но всякое бывает. Мне доводилось видеть тут проезжих англичан, так что можно и ошибиться. Пожалуй, вам следует затаиться где-нибудь и ждать, пока он вас найдет. Вы, кажется, сказали, что у вас есть охрана?

– Да, но...

– Тогда вам не нужен еще один стрелок.

Прежде чем до нее дошло, что его слова означают отказ, Кольт выхватил револьвер и выстрелил. Джослин обернулась и увидела уже безголовое, но еще извивающееся тело огромной змеи. Девушка вздрогнула. Рептилия была совсем

рядом, а она даже не услышала и не почувствовала ее приближения. Значит, ей не нужен еще один стрелок? Кажется, он только что блестяще доказал обратное.

Отбросив змею в сторону, Кольт искоса поглядел на англичанку. Нужно отдать ей должное. Ее только что чуть не пристрелили, едва не ужалила змея, и все это после того, как опрокинулась ее карета. И неизвестно еще, что с ней приключилось до этого. А она и не пикнула. Другая на ее месте давно уже закатила бы истерику. Правда, змее удалось заставить ее замолчать. Эта леди – самая разговорчивая женщина из всех, которых ему доводилось встречать. Но его это вовсе не раздражало. Наоборот, ему даже нравился ее мягкий говор.

Обернувшись, он внимательно поглядел на приближающееся к ним облако пыли. Остается надеяться, что это ее люди. Такую здоровенную тучу может поднять только большой отряд всадников. Но на всякий случай Кольт зарядил револьвер.

Переведя взгляд на девушку, он увидел, что она извлекла откуда-то маленький носовой платочек и вытирает себе лоб. Тонкий аромат духов зашекетал ноздри, заставил снова закипеть кровь. Черт ее побери, она действительно опасна! Каждый раз, когда он смотрит на нее, она кажется еще красивее и желаннее. А уж когда она поднимает на него свои неправдоподобные зеленые глаза, ему приходится отчаянно бороться с древними инстинктами. Попадись она ему лет шесть назад, он попросту перекинул бы ее через седло, умчал прочь и сделал своей. Но теперь он «цивилизованный» и не может следовать своим природным наклонностям.

Но желание было сильным, очень сильным. Именно поэтому Кольт не мог остаться рядом с ней и помочь ей выпутаться из сложной ситуации. Слава богу, помощников у нее предостаточно! Не будь их, у него не осталось бы выбора. Ему чертовски не нравилось, что кто-то хочет причинить ей вред! Конечно, ей здесь совсем не место, но тем не менее она тут, и их пути пересеклись. Отныне он будет беспокоиться о ней, пока она не окажется в безопасности. Только этого ему и не хватало!

– Это ваши люди скачут?

Джослин вздрогнула при звуке его голоса, хоть и едва расслышала вопрос. В ушах еще стоял звон от выстрелов. К тому же она глубоко задумалась, пытаясь

изобрести способ заставить его переменить решение. Она не хотела просто так отпустить его и больше никогда не увидеть. Не могла. Хоть и не понимала толком почему.

Взглянув на приближавшихся всадников, Джослин узнала в первом сэра Паркера Грэма.

– Да, это мой эскорт. И, судя по всему, кое-кто из слуг.

– Тогда я удаляюсь. Ваши люди найдут лошадей у реки, примерно в миле на восток от этого места. Если, конечно, их кто-нибудь не спер.

В его тоне явно сквозила невысказанная мысль, что если украли ее лошадей, то его вещи – и подавно.

– Благодарю вас. Уверена, их легко отыщут. Но вы совершенно уверены, что не пересмотрите своего решения и...

– Мэм, то, что к нам приближается, похоже на маленькое войско. Я вам не нужен.

– Но нам понадобится проводник.

– Вы запросто найдете кого-нибудь в Томбстоуне.

Скрипнув зубами с досады, Джослин проследовала за ним и теперь молча наблюдала, как он садится на лошадь. Этого человека явно не удастся нанять. Ни за что.

– А где находится город, который вы упомянули?

– Милях в шести прямо на том берегу Сан-Педро. Он достаточно большой, так что мимо не проедете.

– А вы случайно не там живете?

– Нет, мэм.

– А смогу я там с вами увидаться, как вы полагаете?

– Сомневаюсь.

До этого момента Кольт не смотрел на девушку, но тут перевел на нее взгляд и вынужден был судорожно вцепиться в луку седла. На ее лице было написано такое горькое разочарование, что у него защемило сердце. Какого черта ей от него надо? Неужели она не понимает, что таким образом рискует нарваться на неприятности?

– Как бы мне хотелось, чтобы вы передумали! – проговорила она мягким просительным голосом, звуки которого обволокли его теплой волной и едва не заставили застонать.

Нет, это уж чересчур! Он и так еле справляется со своими чувствами.

– Забудьте об этом, леди. Мне не нужны лишние сложности.

Джослин не поняла, что его последние слова относятся лично к ней, а не к ее проблемам. Она смотрела ему вслед и чувствовала себя виноватой за то, что пыталась втянуть его в действительно опасную ситуацию. Правильно сделал, что отказался. Он и так ей очень помог. Но, черт побери, она не хотела расставаться с ним навсегда!

Глава 6

Когда Эд Шиффелин появился в этих диких местах на юго-востоке Аризоны, кишавших апачами, командир форта Гаучука предупредил его, что он не найдет здесь ничего, кроме своей могилы. Но опытный старатель наплевал на предупреждение и, когда нашел «жилу» своей мечты, ни секунды не задумываясь, назвал ее Томбстоун – Могильный Камень. Потом тут нашли и другие жилы, но именно Эдов Томбстоун дал название городку, возникшему в 1877 году. Четыре года спустя в городе уже было пятьсот домов, из владельцев которых как минимум сотня имела лицензию на торговлю спиртным. Половина из этой сотни, чьи дома были расположены в восточной части города,

использовала их под бордели и дешевые забегаловки. Не так уж много для города, где число жителей перевалило за десять тысяч.

У Кольта давно вошло в привычку, прежде чем въезжать в какой-то город, наводить о нем справки. О Томбстоуне он узнал все, что ему было нужно, в Бенсоне, о котором, в свою очередь, предварительно осведомился в Таксоне. Увидев Томбстоун собственными глазами, он наконец понял, что могло заставить семнадцатилетнего подростка задержаться здесь на недельку-другую по пути в Мексику. Именно тут он надеялся отыскать Билли Эвинга. Он должен, черт побери, его отыскать! Обнаружив след Билли в Сент-Луисе четыре месяца назад, Кольт неоднократно терял его, и к настоящему моменту его терпение было на исходе. Что только он не делал для Джесси!..

Однако найти семнадцатилетнего парня в таком здоровенном городе будет непросто. Здесь пять больших гостиниц и шесть пансионатов. К тому же совершенно не факт, что Билли назвался своим настоящим именем. Кроме того, Кольта предупредили: сейчас не самое подходящее время для поездки в Томбстоун. Там вот-вот начнется настоящая война за сферы влияния между местной бандой и шерифом с братьями.

Вспомнив об этом, Кольт резко остановился прямо посреди Тафнат-стрит. О чем он думал, когда разговаривал с этой рыжей девицей? Сам-то он прибыл сюда с единственной целью: как можно быстрее забрать Билли. Как же ему пришло в голову направить сейчас в город такую женщину? Или она настолько вывела его из равновесия, что у него появилось неосознанное желание снова увидеть ее? Тупица! Законченный идиот! Теперь придется опять с ней встречаться и убеждать: чем скорее она отсюда уберется, тем целее будет. Нет, встречаться с ней снова – еще большая глупость. Лучше он отправит к ней Билли. Как только разыщет его.

Кольт пришпорил коня и направил его вперед, преисполненный отвращения к самому себе и ничего не замечая вокруг. Лишь через несколько минут он очнулся, сообразив, что пропустил Третью улицу, где собирался свернуть налево. Ему порекомендовали «Флайз Лоджинг Хауз», расположенный на Фремонт-стрит между Третьей и Четвертой. Он решил не разворачиваться, а добраться до Четвертой и свернуть там.

Город был поделен на квадраты основными улицами – Тафнат, Аллен, Фремонт и Саффорд, – тянущимися с юга на север, и с Первой по Седьмую, пересекающими

их с запада на восток. Кольт доехал до Четвертой улицы мимо салуна Хаффорда, ресторана «Канкан» и кофейни. Разнообразие такого рода заведений подняло ему настроение. В иных городишках, через которые он проезжал, в лучшем случае имелось одно.

На улице между домами оставались незастроенные участки, на одном из которых Кольт обнаружил конюшню. Возможно, позднее он ею еще воспользуется. Но не раньше, чем найдет себе пристанище и обойдет все гостиницы и пансионы города в поисках Билли. Приняв решение, Кольт отправился дальше – мимо кузницы, ювелирной мастерской и скобяной лавки. В конце квартала находился оружейный магазин Спенгенбурга, на углу – салун «Капитал», возле которого он свернул налево к Фремонт и двинулся по ней обратно к Третьей улице. Сразу за салуном расположилась редакция «Наггет» – одной из двух газет, выходивших в Томбстоуне, а конкурирующая с ней «Эпитаф» была прямо на противоположной стороне улицы.

Наконец, увидев почти в самом конце квартала «Флайз», Кольт пришпорил коня. Вряд ли стоило надеяться, что Билли тоже остановился здесь. Кольт приготовился провести остаток дня в поисках парнишки. Учитывая степень его везения в последнее время, ему скорее всего придется обойти кучу салунов, где есть немало шансов нарваться на неприятности. Впрочем, настроение у Кольта было сейчас такое, что подобная перспектива его мало трогала.

Прежде чем отхлебнуть еще глоток «сорокамерка» – смеси, которую в Восточном баре подают как виски, получившей свое название за то, что максимум после сорока мерок этой жидкости клиент напрочь вырубался, – Билли Эвинг нервно провел рукой по своим золотисто-русым волосам. Он оказался по уши в дерьме и знал это, но никак не мог придумать способ выкрутиться, не получив при этом пули в лоб. Он думал, что в Восточном баре его новый «друг» вряд ли появится, поскольку Уайетт Эрп был совладельцем этого заведения, а братья Эрп, как Билли только что выяснил, враждуют с бандой Клентона. Но сейчас никого из Эрпов поблизости не наблюдалось, и Билли Клентон, самый младший из братьев Клентонов, все равно его тут отыскал.

Как же бывает обманчива внешность! Ну кому бы могло прийти в голову, что юный Клентон, которому едва ли исполнилось шестнадцать, уже матерый хладнокровный убийца? О Господи!

Билли повстречал Клентона в Бенсоне, и молодые люди, выяснив, что оба направляются в Томбстоун, решили ехать вместе. Билли обрадовался обществу парня, знавшего местность, и был благодарен за то, что тот предложил ему работу на ранчо Клентонов возле Галейвилля. Такая работа была ему не в диковинку, поскольку каждое лето он проводил на ранчо сестры в Вайоминге. К тому же она оказалась как нельзя кстати, ибо деньги у Билли почти закончились. Но на сей раз неопытность завела его чересчур далеко. Стараясь выглядеть более крутым, чем был на самом деле, Билли не стал задавать вопросов, которые стоило бы задать, и оказался принятым... только не работником на ранчо, а в банду угонщиков скота и грабителей дилижансов и поездов. Ранчо возле Галейвилля служило им лишь штаб-квартирой.

Двое горняков, работавших на шахте «Маунтейн Мейд» и видевших Билли в обществе младшего Клентона, просветили его на сей счет в самый первый вечер пребывания в Томбстоуне. Билли им не очень-то поверил. Но потом каждый, кого бы он ни спросил, рассказывал одно и то же. Банда Клентона орудовала в здешней местности на протяжении ряда лет и из-за этого враждовала с представителями власти Томбстоуна. Ее по-прежнему называли «бандой Клентона», хотя старик Клентон, создавший ее в свое время, был убит несколько месяцев назад и главарем теперь стал Кудрявчик Билл Броциус.

Помимо Билла Броциуса и трех братьев Клентонов – Айка, Финна и Билли, в банде состояли и другие хорошо известные в Томбстоуне нарушители спокойствия. Одним из них был Джон Ринго, прославившийся тем, что в свое время принимал участие в войне в графстве Мэйсон в Техасе, а недавно убил Луиса Хэнкока в салуне на Аллен-стрит. Так же часто можно было услышать в городе имена Фрэнка и Тома Маклори, а еще Билли Клэйборна, молодого охотника за удачей, который требовал, чтобы его теперь называли Билли Малыш, поскольку настоящий Малыш мертв. Клэйборн уже убил троих парней, обсмеявших его за манию величия, и братья Маклори вместе с Айком только прошлой ночью вытащили его из тюрьмы Сан-Педро, куда он попал после третьего убийства.

Юный Билли Клентон принимал участие в деле, известном теперь как «резня в каньоне Гваделупа» и ставшем причиной смерти его отца. Эвинг уже много чего наслушался об этом преступлении Клентонов. В июле нынешнего года банда напала на караван, перевозивший серебро, и перебила девятнадцать мексиканцев, сопровождавших груз. Через несколько недель после этого события старик Клентон был застрелен из засады, устроенной ему друзьями

убитых, когда он с несколькими членами своей банды гнал через горы украденный в Мексике скот. Младший Клентон в последнем деле отца не участвовал, хотя, как говорили, занимался кражей скота с двенадцати лет.

И он, Билли Эвинг, связался с ними?! Он все еще не мог до конца в это поверить. И просто-напросто понятия не имел, как выпутаться из передряги. Он попытался было отказаться, сказать юному Клентону, что передумал. Но обвинение в трусости, а особенно то, с каким видом мальчишка Клентон положил руку на свой шестизарядный револьвер, заставили Билли отступить от принятого решения. После этого Билли попытался избегать встреч с Клентонами, но, по идее, завтра должен был ехать вместе с ним на ранчо. Что, если он не появится? Станет ли Клентон его искать? А если он сегодня вечером просто удерет, будет ли банда его преследовать?

– Здесь тихо, как в болоте, старик. Давай двинем в «Альгамбру» или к Хачу!

Билли окинул взглядом столы и бар, где не было ни одного свободного места. В наполовину заполненном казино толклись отработавшие смену шахтеры. Тихо? Ну уж нет! Скорее всего его «дружку» хочется устроить хорошенькую потасовку в последний день пребывания в городе.

– Еще рано, до вечера далеко, – заметил Билли. – Я зашел сюда пропустить стаканчик, а потом пойду поужинаю в ресторане «Новый Орлеан». Составишь компанию?

Он предложил из вежливости и обрадовался, услышав:

– Не, жрать неохота. А ты, кажись, в выпивке не силен, а? И говоришь смешно, как хлыщ с Востока. И чего это я раньше не заметил? Откуда ты, ты сказал?

– Я вообще ничего такого не говорил, – отмахнулся Билли. – А это что, важно?

– Не-а, но... О, глянь-ка! – Клентон напрягся и машинально положил ладонь на рукоять револьвера, не отрывая глаз от высокого незнакомца, только что вошедшего в салун. – Не апач и не команч, но краснокожего я чую за милю и всегда могу отличить полукровку. Похоже, это местечко становится оживленным...

– О черт! – простонал Билли, натягивая шляпу поглубже и вжимаясь в стул. – О черт!

Клентон с отвращением посмотрел на него.

– Знаешь его? Или боишься полукровок?

И они еще утверждают, что его старший брат Айк хвастливый болтун?! Что же тогда говорить о младшем представителе семейства! Он уже порядком надоел Билли, не важно, убийца он или нет.

– Не будь идиотом, малыш, – прошипел он своему более молодому и низкорослому соседу. – Этот парень не обычный полукровка, выросший среди белых. Еще несколько лет назад он был полноправным воином-шайенном. А с тех пор как покинул племя, весьма преуспел в обращении с револьвером. Я не встречал никого быстрее его.

Но Клентон пропустил его слова мимо ушей, поскольку считал себя достаточно ловким.

– Значит, ты его знаешь. Не тебя ли он, часом, ищет?

Увидев на лице мальчишки радость предвкушения хорошей драки, Билли простонал:

– И думать не смей!

– Но он направляется прямо к нам.

Билли рискнул поднять голову и натолкнулся на пронзительный взгляд синих глаз, буквально просверливший его. Сейчас он пожалел, что не может спрятаться под стол.

– Кольт, – несчастным голосом произнес он вместо приветствия.

Кольт едва удостоил его кивка и уставился на Клентона, который начал подниматься. Мальчишка еще не успел выпрямиться в полный рост, как его

револьвер оказался у Кольта в руке. Жестом он велел Клентону сесть. Вытаращив глаза и побелев, парнишка покорно опустился на стул.

Медленно, очень медленно Билли встал и немного успокоился лишь после того, как Кольт убрал револьвер. Сандер не произнес ни слова. Впрочем, Билли этого и не ждал. Сейчас брат ничего и не скажет, но позже...

Лицо Клентона приобрело нормальный оттенок и даже начало наливаться краской гнева оттого, что с ним так легко справились. Но попытки встать он больше не делал. Однако и спокойно не сидел. Ему страшно не понравилось, что у этой сцены были свидетели, особенно Фрэнк Лесли, бармен Эрпа. Хотя за все время не было сказано ни единого слова, метис привлек к себе внимание присутствующих, едва появившись в дверях. Поэтому все видели, как он молча заставил юного Клентона сесть на место.

– Ты не обязан с ним идти, Эвинг, чего бы ты ни натворил. У тебя теперь есть поддержка. Я скажу братьям...

– Забудь об этом, парень, – облегченно вздохнул Билли, сообразив, что появление Кольта спасло его от кучи неприятностей. Он даже ухмыльнулся своему кратковременному «другу». – Я должен с ним идти.

– Ни черта...

– О, не сомневаюсь, что расплата будет чертовски суровой, – перебил его Билли и улыбнулся еще шире, прежде чем добавить: – Видишь ли, это мой брат.

Глава 7

На этом веселье Билли закончилось. Выйдя из Восточного бара на улицу, он больше не улыбался, стоя на тротуаре в ожидании брата.

Кольт вышел спиной вперед, быстро отскочил в сторону и только тогда убрал револьвер. Билли стало нехорошо. Кольт Сандер здесь? Нечего и надеяться, что это случайность...

- Где твоя лошадь? – резко спросил Кольт.

Билли скривился, увидев привязанного возле соседнего салуна огромного Аппалуза Кольта.

- Я пришел пешком из гостиницы «Ноблз», где живу.

- Тогда пошли.

Братья были примерно одного роста, но Билли приходилось почти бежать, чтобы не отставать от Кольта, который широкими шагами двинулся по тротуару.

- Я не думал, что она пошлет тебя за мной, Кольт. Клянусь тебе.

- Да? Ты полагал, что она сама пустится за тобой в погоню?

- Конечно, нет! Я знал, что она напишет Джесси и попросит Чейза отправиться за мной. Она всегда полагается на него, когда ей нужна помощь.

- Так было до того, как он женился на Джесси. Но, вполне возможно, что послали бы именно его, окажись он дома. Только вот его не было. И меня послала вовсе не твоя мать, а Джесси. Она почему-то вбила себе в голову, что мне не составит труда тебя выследить.

- Мне очень жаль, – беспомощно пролепетал Билли.

- Прежде чем жалеть, подожди, пока я не решу окончательно, не выбить ли из тебя дурь, парень.

Билли сжался. Он не видел выражения лица Кольта – тот шел на несколько шагов впереди и, разговаривая, не оглядывался. Впрочем, Билли не сомневался, что Кольт совершенно серьезен и решение, которое он примет, во многом зависит от того, насколько он зол. Хотя, с другой стороны, по лицу Кольта мало что можно прочесть. Никогда не угадаешь, о чем он думает, потому что он исключительно владеет собой и скрывает свои эмоции, когда хочет.

В последние годы жизнь преподносила Билли один сюрприз за другим. Он вырос в Чикаго со своей матерью Рэйчел и отчимом, хоть и не знал, что Джонатан Эвинг ему не родной отец. Не знал он и того, что у него есть сестра, пока отец Джесси не умер и Рэйчел не отправилась в Вайоминг как опекун дочери. Билли в то время исполнилось девять лет, и встреча с таким человеком, как Джесси, произвела на мальчика неизгладимое впечатление. Отец растил ее, как сына, и она управляла ранчо не хуже мужчины. Джесси носила бриджи, револьвер на поясе и знала все о разведении скота. Билли боготворил ее и был совершенно счастлив, узнав, что она ему не единоутробная, а родная сестра, потому что Томас Блэйр и его отец тоже.

Но Рэйчел вернулась в Чикаго, забрав сына с собой, и Билли вновь приехал на ранчо «Скалистая долина» только два года спустя. Он был там в тот день, когда на ранчо впервые появился Кольт, которого тогда еще звали Белый Гром.

Конечно, Билли и раньше слышал о нем. Воин-шайенн в течение многих лет был лучшим другом Джесси, хотя никогда прежде не приезжал к ней на ранчо. Но Билли сперва не понял, кто он такой, и, будучи наслышан о войне, которую вели тогда против белых шайенны и сиу, страшно перепугался, увидев спокойно въезжающего на ранчо индейца, который к тому же вовсе не производил впечатления ручного.

Полунагой, с развевающимися за спиной длинными, почти до лопаток, волосами, Белый Гром совсем не выглядел кротким существом. Пока Билли не увидел его рядом с Джесси и не услышал, как он говорит по-английски. Причем не на правильном, четком и ясном английском, как должен говорить индеец, обученный этому языку, а на западном диалекте, точной копии манеры речи Джесси, что в общем-то неудивительно, поскольку Белый Гром выучился английскому именно у нее.

Одиннадцатилетний Билли был очарован Белым Громом так же, как в свое время сестрой. Ему не довелось увидеть процесса превращения в индейца «белого человека», поэтому он едва узнал его, когда год спустя Кольт вместе с Джесси и Чейзом приехал на свадьбу Рэйчел с Карлосом Сильвелой, отцом Чейза. Но все же в Кольте оставалось нечто такое, мешавшее Билли чувствовать себя свободно в его обществе, хотя тогда еще он был открытым и общительным парнем. И Билли полагал, что вряд ли его отношение к Кольту когда-нибудь изменится, особенно теперь, когда брат стал замкнутым и суровым после тех событий в 1878 году, когда он чуть не умер.

Именно в тот год Билли узнал, что Кольт не просто лучший друг Джесси, а ее единокровный брат и соответственно его тоже. Томас Блэйр был отцом всех троих. К сожалению, это знание все равно не давало Билли уверенности, что он может стать Кольту таким же близким, как близка была Джесси. Брат или нет, но Кольт, не шевельнув и пальцем, мог напугать его сильнее, чем десять Билли Клентонов вместе взятых.

Кольт, будто прочитав мысли Билли, спросил:

– Кто такой этот твой маленький вспыльчивый друг?

Билли ответил, не раздумывая, и в следующее мгновение оказался припечатанным к стене шорной лавки, мимо которой они проходили. Кольт схватил его за грудки.

– Ты что, парень, мозги на востоке оставил? Я достаточно наслушался об этой банде, едва оказавшись в этих местах, и узнал вполне достаточно, чтобы понять: связываться с ними не стоит.

– Ну а я не знал, – оправдываясь, заявил Билли. – Во всяком случае, сперва, а потом было слишком поздно. – Избегая пристального взгляда Кольта, он добавил: – Я в некотором роде к ним нанялся. Думал, для работы на ранчо.

– Ты тупой су...

– Ради бога, Кольт, я понятия не имел, во что ввязываюсь! У меня просто кончились деньги!

– Все, что тебе требовалось, – это телеграфировать домой.

– Если бы я это сделал, мне пришлось бы возвращаться домой, а я сильно сомневаюсь, что мама готова смотреть на вещи моими глазами.

– Готова она или нет... А, черт, ладно, не важно! – Отпустив Билли, Кольт оглянулся на Восточный бар, но оттуда после них никто не выходил. Снова двинувшись к своему коню, он бросил через плечо: – Ты вышел из игры?

– Попробую, но ты же сам сказал, что молодой Клентон вспыльчив. И он вовсе не пожелал услышать отказ.

– Ладно, забудь. Если кто-то вздумает возражать против твоего отъезда из города, ему придется иметь дело со мной. Пошли, рассчитаемся за твою гостиницу и...

Кольт напрочь забыл, что хотел сказать, увидав приближающуюся ярко-голубую карету, окруженную вооруженными всадниками. За каретой следовала еще одна, поменьше, а за ней третья. Их сопровождали три больших фургона, битком набитые чемоданами и мешками. Замыкали караван четыре великолепных чистокровных английских скакуна, каких сроду не водилось к западу от Миссисипи.

– Боже, что, черт побери, за...

Кольт едва расслышал возглас младшего брата. Должно быть, этот вопрос возник у всех, кто наблюдал за великолепным караваном. Кроме самого Кольта. Люди на улице замерли, открыв рты, любопытствующие высыпали из магазинов или приникли к окнам. Не меньше половины всех здешних детей бежало следом, будто в город приехал цирк и они ни за что не хотели пропустить столь захватывающее зрелище.

– А я-то думал, что она уже давно здесь, – рассеянно пробормотал Кольт, не сводя глаз с головной кареты.

Билли посмотрел на него так, словно он заявил, что луна зеленая.

– Ты что, знаешь этих людей?

Кольт очнулся, сошел с тротуара и начал отвязывать своего коня, повернувшись спиной к улице – и к ней.

– Я повстречал леди, едущих в первой карете, на том берегу Сан-Педро. Они потеряли остальных, их карета опрокинулась, и они нуждались в помощи.

От глаз Билли не укрылось, что Кольт сознательно игнорирует развернувшийся на улице спектакль.

– На том берегу, значит? А что ты делал так далеко на западе?

– Я всегда предпочитаю ехать вдоль рек, а не по дороге. Меньшая вероятность нежелательных встреч.

Билли скривился, поняв скрытый смысл сказанного.

– Так кто же они?

– Англичанки. Их эскорта я не видел, но, судя по виду, они все тоже иностранцы.

– Кто бы сомневался! – хмыкнул Билли.

Он уставился на кучера одного из фургонов, одетого в развевающийся белый балахон и с чем-то вроде длинного шарфа вместо шляпы на голове. Двенадцать всадников тоже были одеты совершенно необычно: в одинаковые красные мундиры с короткими накидками, синие штаны с черным кантом и высокие шляпы военного образца.

– Эй, они останавливаются! – изумленно воскликнул Билли.

Кольт круто развернулся и выругался.

– Боже, уж не собирается ли она... да еще прямо напротив этого чертова салуна!

Именно это она и сделала, а один из охранников поспешил открыть ей дверцу кареты. Прежде чем вскочить на лошадь, Кольт успел разглядеть прекрасные огненные волосы.

– У этой женщины мозгов не больше, чем у тебя, Билли!

– Почему? Все, что она сделала, это лишь вышла из кареты и... и, я думаю, идет сюда, чтобы поговорить с тобой.

Кольт не желал снова смотреть на нее. У него и так кровь уже закипела в жилах от одного сознания, что она рядом.

- Не поговорит, если я ей не позволю. Встретимся у твоей гостиницы.

Билли вытаращил глаза.

- Ты не собираешься подождать и...

- Ты прекрасно знаешь, как народ отреагирует, увидев, что она разговаривает с кем-то вроде меня.

Билли рассвирепел. Он терпеть не мог, когда Кольт вот так занимался самоуничижением.

- Возможно, она научит их судить о человеке по достоинству!

Кольт и не подумал отвечать. Развернув коня, он поскакал к гостинице. А Билли остался стоять, глядя на самую красивую рыжеволосую женщину, какую ему доводилось когда-либо видеть. Она остановилась посреди улицы и глядела вслед Кольту. На лице у нее было написано такое горькое разочарование, что Билли захотелось дать своему единокровному братцу хорошего пинка. Не то чтобы он посмел это сделать, но ему очень хотелось.

Ну и чего он добился своим бегством? Все равно те, кто на нее смотрит – а смотрят на нее буквально все, – видели, на кого смотрела она и с кем собиралась поговорить. Явно не с Билли, поскольку, как только Кольт ускакал, элегантная рыжеволосая леди развернулась и, перекинувшись несколькими словами с одним из своих охранников, села обратно в карету и поехала дальше.

Глава 8

В поисках Бабетты Ванесса открыла дверь в коридор и обнаружила ее болтающей с мистером Сиднеем, одним из двух лакеев, постоянно соперничавших между собой за право пользоваться ее вниманием.

– Иди сюда, девочка, – нетерпеливо позвала горничную Ванесса, бросив на Сиднея недовольный взгляд, который заставил лакея немедленно ретироваться. – Я сумела уговорить ее прилечь с холодным компрессом на лбу, но она все равно не успокоится до тех пор, пока не услышит, что узнал Алонсо. Тебе ведь известно, что он узнал?

– Ну конечно, – ухмыльнулась Бабетта, и ее искусно завитые кудри весело запрыгали, когда она быстро вошла в номер герцогини. – Алонсо выяснил, куда направился американец, но вот сколько он там еще пробудет... – Горничная пожала плечами.

– Ну, лишь бы он пробыл достаточно для того, чтобы она успела осуществить задуманное. Хоть я и понятия не имею, что именно она хочет. Ведь, по ее собственным словам, от службы он отказался. – Нахмурившись, Ванесса посмотрела на закрытую дверь спальни герцогини. – Вообще-то, если хорошенько подумать, ей вовсе незачем встречаться с ним еще раз. В последний раз она так рыдала, когда умер герцог.

– Ничего удивительного, после того, что сегодня произошло...

– Да знаю, знаю, – отмахнулась Ванесса, все еще не в силах поверить, что в устроенной засаде никто из них серьезно не пострадал. Двое были ранены и уложены в постель под присмотром врача, но в принципе могли в случае необходимости спокойно продолжить путешествие. – Но она плачет совсем по другой причине. Ну и наглец этот американец! Как он мог ее проигнорировать?

– Но, может быть, он ее и не видел, правда?

– Возможно.

Однако Ванесса ни секунды в это не верила. Ее, безусловно, удивлял настойчивый интерес Джослин к этому мужчине, и она вовсе не была уверена, что герцогиня поступала так уж мудро, столь явно его проявляя. Особенно если учесть то, что Джослин рассказала об их беседе. Этот человек был слишком... необычен.

– Алонсо выяснил, что значит «полукровка»?

Голубые глаза Бабетты округлились, когда она припомнила эту часть доклада.

– О да! Но боюсь, вам не понравится.

– А я на это и не рассчитывала, – сухо заметила Ванесса. – Пошли.

Прежде чем открыть дверь в затемненную спальню, графиня легонько постучала. Солнце зашло совсем недавно, но небо за открытыми окнами было еще достаточно светлым, что позволило вошедшим увидеть: Джослин не спит. Герцогиня сидела и выжидающе смотрела на молоденькую горничную.

Жестом велев Бабетте зажечь свет, Ванесса сообщила:

– Я взяла на себя смелость заказать легкий ужин, который скоро доставят. Не знаю, как ты, а я совершенно не в настроении переодеваться к ужину.

Наморщив лоб, Джослин посмотрела на подругу.

– Это тебе нужно было лечь в постель, Ванесса, особенно после утренней жуткой головной боли. А со мной как раз нет ничего такого...

– ...чего нельзя было бы поправить, немного поев и отдохнув, – не допускающим возражений тоном докончила за нее Ванесса.

Джослин вздохнула. Когда у графини случался приступ материнской заботливости, спорить с ней было бесполезно. А именно в таком состоянии духа Ванесса и находилась с того момента, как Джослин поддалась этому глупому всплеску эмоций. Герцогиня перевела взгляд на Бабетту, снующую от лампы к лампе. В одной только этой комнате их было шесть.

Номер оказался вполне комфортабельным, не оправдав их худших ожиданий: им было сказано, что большинство городов на Западе маленькие и гостиницы в них без особых удобств. Томбстоун – первый город на Западе, с которым они познакомились, – приятно поразил их размерами и огромным выбором гостиниц. Конечно, «Гранд-Отель» не шел ни в какое сравнение с фешенебельными гостиницами восточного побережья, но все же был на приличном уровне. Герцогине удалось снять весь второй этаж, что было совершенно идеально с

точки зрения безопасности.

- Достаточно, Бабетта, - нетерпеливо приказала Джослин. - Насколько проясняет ситуацию сообщение Алонсо?

Молоденькая француженка широко улыбнулась, довольная тем, что ее маленькая хитрость - протянуть время - удалась.

- Все не так уж плохо. Во всяком случае, по словам Алонсо, это всего лишь местные предрассудки. Здесь полукровка - все равно что индеец, а к индейцам относятся с презрением и отвращением.

- Презрением?

- Чтобы не показать страха, понимаете? Индейцев здесь еще очень боятся. Они до сих пор бродят по округе, нападают, убивают и...

- Какие индейцы?

- Апачи. Мы ведь о них слышали еще в Мексике, да?

- Действительно, слышали, но я не припоминаю, чтобы кто-то утверждал, что они все еще настолько враждебны.

- Только Херонимо. Алонсо говорит, это отщепенец с небольшим количеством сторонников. Он скрывается в Мексике. Но его шайка совершает налеты и по эту сторону границы тоже.

- Хорошо. Но Кольт Сандер не апач! Он наполовину шайенн, - возразила Джослин. - Что Алонсо удалось выяснить об индейцах-шайеннах?

- Здесь о них ничего не знают.

- Тогда почему мистер Сандер посчитал, что я должна его опасаться?

– Мне кажется, ты упустила самое главное, дорогая, – вмешалась Ванесса. – Предрассудки направлены не против какого-то определенного племени. Похоже, на этих западных территориях так относятся ко всем индейцам и полукровкам, независимо от того, к какому племени они принадлежат.

– Но это ужасно! – разгорячилась Джослин. – Не говоря о том, что просто несправедливо! В Кольте Сандере нет ничего, за что его можно презирать. Мне он показался очень воспитанным человеком... ну, почти. И он оказал нам неоценимую помощь. Боже мой, да он в течение часа дважды спас мне жизнь!

А еще он нетерпеливый, вспыльчивый, упрямый и упорно отказывается иметь с ней дело, но об этом говорить не стоит.

– Джослин, дорогая! Мы все бесконечно благодарны этому человеку за своевременную помощь. Очень благодарны. Но сегодня днем он совершенно ясно показал, как ко всему этому относится. Он даже не захотел с тобой разговаривать!

– И мне теперь понятно почему. Сегодня утром он вел себя так, словно я совершаю огромную ошибку, просто находясь рядом с ним. Но это так глупо!

– Однако он явно так не считает.

– Знаю. И он думает, что оберегает мою репутацию, избегая общения со мной в городе. Весьма любезно с его стороны, но вряд ли в этом есть необходимость. Я никогда не позволю поддаться влиянию чьих-то предрассудков! И меня совершенно не интересует общественное мнение. Если я захочу общаться с этим человеком, то так и сделаю. И никто мне запретить не сможет.

Увидев упрямо вздернувшийся подбородок Джослин, Ванесса изогнула золотистую бровь. Как-то однажды герцог сказал ей, что герцогиня очень мила, любезна и покладиста. С тех пор Ванесса неоднократно имела возможность убедиться, что это не совсем так.

– И какую же форму общения ты имеешь в виду? – осторожно поинтересовалась графиня, подозревая, что заранее знает ответ.

Джослин пожала плечами, хотя в ее зеленых глазах светилась решимость.

– Ах, сама не знаю! Возможно, это будет так, как мы с тобой говорили утром.

– Я боялась, что именно это ты и скажешь.

Глава 9

– Я открою, – крикнул Билли и скатился с кровати, где лежал, наблюдая за Кольтом, который, как обычно, торопливо сбрасывал редкие волосы на подбородке.

Но прежде чем успел коснуться дверной ручки, он услышал характерный звук взводимого курка и понял, что опять опростоволосился. Нельзя открывать кому попало дверь в городе, где ожидается заварушка, предварительно не выяснив, кто стучит. Или не подготовившись к любым неожиданностям, как только что сделал Кольт. К тому же Клентон еще в городе. Вряд ли, конечно, он станет искать Билли в отеле, но всякое возможно.

Билли подумал было, что Кольт снова спустит на него собак, как вчера вечером, когда он забыл запереть дверь, но сегодня утром братец явно пребывал в лучшем настроении.

– Валяй, – сказал он замершему в нерешительности Билли. – Только не стой на линии огня.

Услышав совет, Билли сглотнул, затем широко распахнул дверь на себя и остался стоять за ней. Когда он путешествовал один, то мало заботился о таких вещах и не поджидал опасности за каждым углом. Джесси не раз вдалбливала ему правила предосторожности, но во время своей поездки на Запад он благополучно выкинул их из головы. Удивительно, что он до сих пор цел.

Но на сей раз предосторожности оказались явно излишними. В коридоре стояли двое мужчин, ни один из которых не был Клентоном. Они стояли совершенно неподвижно перед револьвером, который направил на них одетый лишь в брюки и высокие, до колен, мокасины Кольт. Билли несказанно изумился, когда Кольт

отвернулся и быстро убрал оружие в висящую на умывальнике кобуру. Но уже в следующий момент юноша тоже узнал эти красные мундиры. Мужчины по-прежнему не произносили ни слова, хотя на них уже не смотрело дуло револьвера 45-го калибра. Но такая реакция была вполне объяснима. Конечно, направленный на них ствол удивил пришедших, но вид обнаженной спины Кольта просто лишил их дара речи.

Однако лучше Кольту не знать о произведенном впечатлении. Если что и приводило его в полное бешенство, так это исполненный ужаса взгляд, направленный на его шрамы. Джесси говорила, что гордость не позволяет ему демонстрировать другим пережитые муки. Но, с чем бы это ни было связано, Билли прекрасно знал, как болезненно реагирует Кольт на малейшие проявления сочувствия. Он предпочтет, чтобы его скорее ненавидели, чем жалели.

Выйдя из-за двери, Билли вынудил визитеров смотреть на себя, а не на Кольта. Вспомнив приличные манеры, он обратился к ним:

– Чем мы можем вам служить, джентльмены?

Один из пришедших, ростом с Билли, но одного возраста с Кольтом, с коротко стриженными каштановыми волосами и орехового цвета глазами, еще не совсем оправившись от увиденного, неуверенно спросил:

– Позвольте узнать, я имею честь разговаривать с Кольтом Сандером?

В его голосе прозвучала такая надежда, что Билли с трудом сдержал ухмылку.

– Боюсь, что нет.

Мужчины в красных куртках переглянулись, очевидно растерянные, затем высокий произнес:

– Не думал, что... впрочем, не важно.

Чуть отклонившись в сторону, он снова взглянул на Кольта, затем выпрямился и твердо сказал:

- У нас сообщение для вашего спутника, если он и есть мистер Сандер.

Улыбка Билли стала еще шире. Он не смог отказать себе в удовольствии повторить обращение, которое, как он знал, Кольт люто ненавидел.

- Мистер Сандер, это к вам!

- Слышал, но мне наплевать.

Перестав улыбаться, Билли круто развернулся и увидел, что Кольт натягивает рубашку. Может, Кольту и наплевать, но самого Билли съедало любопытство. Он прекрасно понял, от кого это сообщение.

- Да ладно тебе, Кольт! Это всего лишь сообщение. Ничего с тобой не случится, если ты его выслушаешь.

Кольт подошел. Лицо его было невозмутимым, хотя Билли разглядел признаки нетерпения, заметные только тем, кто хорошо знал брата. Не потрудившись застегнуть рубашку, Кольт просто засунул ее в брюки. И брюки, и рубашка были черными, и, должно быть, поэтому англичане отступили на шаг, когда он встал в дверном проеме. Но скорее всего их смутил его немалый рост.

- Выкладывайте! - грубо сказал он.

Высокий англичанин прокашлялся. Очевидно, говорить должен был он.

- Ее милость вдовствующая герцогиня Итонская просит оказать ей честь...

- Кто? - перебил Кольт, а Билли ахнул:

- Господи, английская герцогиня!

Кольт метнул на Билли острый взгляд.

- Что, к черту, это означает?

- Ты хочешь сказать, что не... ну, конечно, нет... откуда тебе знать...

- Выкладывай, пока не подавился, парень!

Билли вспыхнул, но был слишком взволнован, чтобы огрызаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhoanna-lindsey/lyubov-i-grom>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)